

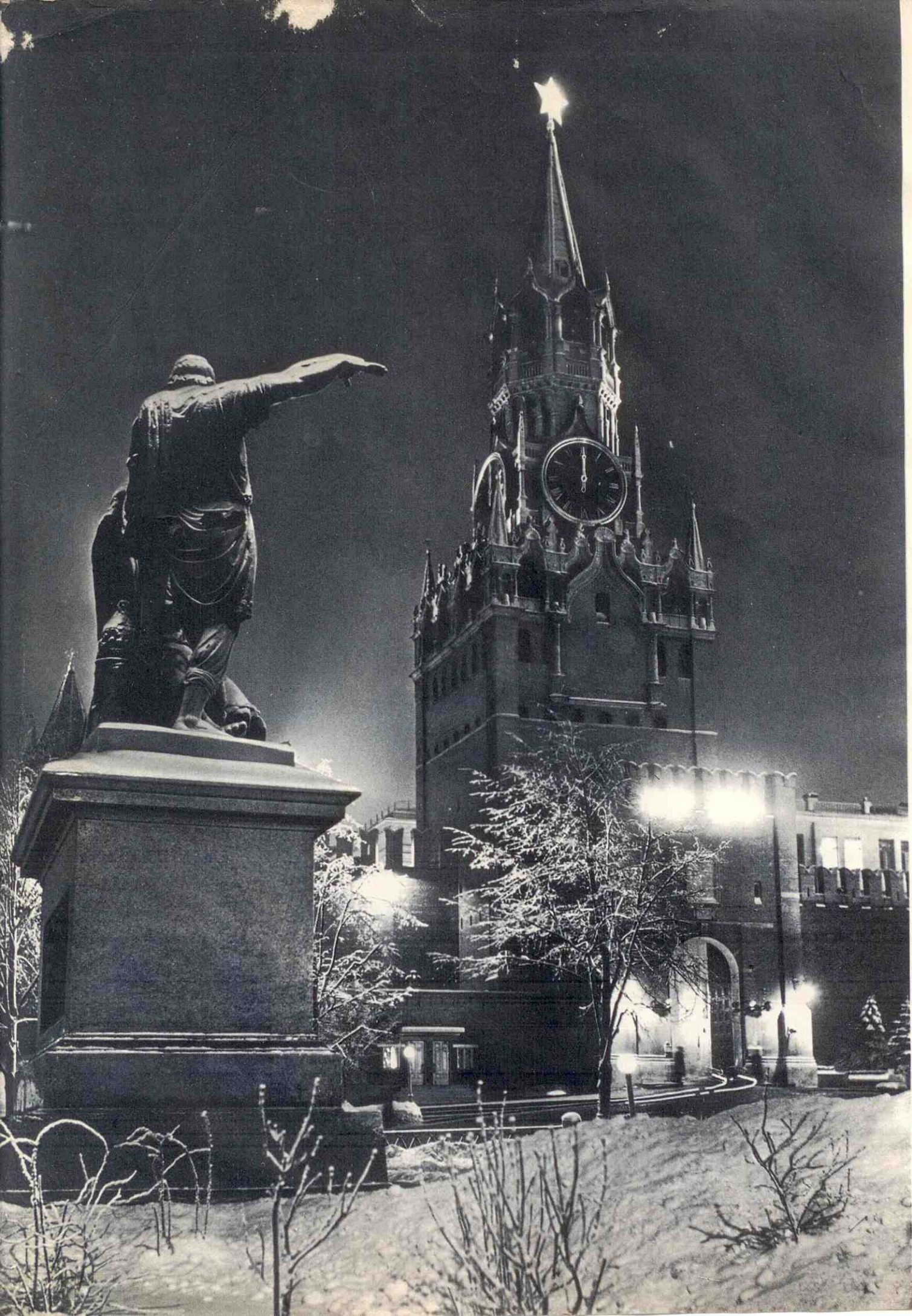

РАБОТНИЦА

ЯНВАРЬ

1963

1

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ. Фото А. Моклецова.

УТРО ГОДА

Взошло утро 1963 года, нового года нашей жизни, нашей жаркой борьбы за коммунизм. Взошло и осветило то, что сделано в прожитом 1962 году всем народом, сплоченным вокруг Коммунистической партии Советского Союза, вокруг родной Советской власти: новые космические полеты, новые заводы, новые станки, гидростанции, новые жилые дома и целые поселки, школы, санатории, детские сады...

Что говорить, много сделано за год во всех наших республиках. Каждый из нас это знает. Достаточно пройти по своему городу, поселку, даже просто по своей улице, чтобы заметить черты нового, то, благодаря чему будет улучшаться и улучшаться наша жизнь.

Приметы нового не только в том, что мы много строим, хотя любой из нас хорошо понимает: без создания могучей материально-технической базы коммунизма новому обществу не бывать.

Новое в нашей жизни и в том, как много сделано, чтобы сам человек стал лучше. И он стал лучше! Самокритичнее, непримиримее к пережиткам прошлого, к таким явлениям, как стяжательство, тунеядство, хулиганство, бездушие, ложь, эгоизм. Люди стали смелее и человечнее. Это потому, что наша страна идет вперед ленинским курсом. Ленинским!

В новом году нам надо сделать еще больше для того, чтобы жизнь каждого советского человека была краше, богаче.

Решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС — это дело не только коммунистов, это дело каждого честного советского труженика. Это и ваше дело, работники!

Хорош Государственный план развития народного хозяйства СССР на 1963 год, принятый недавно сессией Верховного Совета СССР, хорош — что говорить! Но выполнить его можно только общими усилиями всего народа. Кем бы ни был человек: грузчиком или министром, начальником цеха или рядовой работницей, — он тоже отвечает за государственный план. Да и как не отвечать, как не претворять его в жизнь, ведь от этого зависит и твое личное благополучие, счастье твоих детей...

Партия зовет нас принять горячее участие во всенародном контроле на всех фронтах нашего строительства. Везде нужен хозяйский глаз — тогда неповадно будет бюрократам, лодырям, жуликам, хулиганам.

И особенно женский глаз! Этому учил Владимир Ильич Ленин. К этому зовет нас ленинский Центральный Комитет.

Какое счастье, друзья, что мы встретили новый год в мирной обстановке! А ведь совсем недавно, в октябре минувшего года, были такие тревожные дни, когда могла разразиться смертельная термоядерная гроза.

Но вздохнули облегченно матери. Мир был спасен от войны. Надо прямо сказать: кризис в районе Карибского моря удалось разрешить благодаря разумной ленинской политике нашего Советского государства. И немалая тут заслуга Никиты Сергеевича Хрущева — весь земной шар это признал.

Будем и в новом году зорко беречь мир.

Будет мир, будет и радость.

— А как я могу сберечь мир? Я бы рада, но как?! — спрашивают иногда работницы.

Честным и вдохновенным трудом, сплоченностью рядов, близостью к Коммунистической партии и ее ленинскому ЦК, горячим участием в общественной жизни, во всенародном контроле. Своим благородным, горячим сердцем, своим острым хозяйским глазом!

И никакие происки империалистов, никакие преграды не остановят наше движение к коммунизму.

Здравствуй, утро нашего нового года!

Елена КОНОНЕНКО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

1

Общественно-политический и литературно-художественный журнал

ОСНОВАН 8 МАРТА 1914 ГОДА

ЯНВАРЬ

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ПОЭМА

Женские руки

1

Целую, низко голову склоня,
Я миллионы рук неутомимых.
Их десять добрых пальцев для меня,
Как десять перьев с крыльев лебединых.

Я знаю эти руки с детских лет.
Я уставал — они не уставали.
И, маленькие, свой великий след
Они всегда и всюду оставляли.

Продернув нитку в тонкую иглу,
Все порванное в нашем мире сшили.
Потом столы накрыли.
И к столу
Они всю Землю в гости пригласили.

Они для миллионов хлеб пекли.
Я полюбил их хлебный запах с детства.
Во мне, как в очаге, огонь зажгли
Те руки, перепачканные тестом.

Чтобы земля всегда была чиста,
Они слезой с нее смывают пятна.
Так живописец с нового холста
Фальшивый штрих стирает аккуратно.

Им нужно травы сметывать в стога,
Им нужно собирать цветы в букеты.
Так строится бессмертная строка
Из слов привычных под пером поэта.

Им нужно складку горечи согнать
И подарить любимому улыбку...
Так, прежде чем симфонию сыграть,
Оркестр свои настраивает скрипки.

Как пчелы в соты собирают мед,
Так эти руки счастье собирают.
Земля! Не потому ли каждый год
В тебе так много новизны бывает?

Когда приходит трезвостью беда,
Когда приходит радость, опьяняя,
Я эти руки женские всегда
Целую, низко голову склоняя.

2

Я знаю эти руки.
Сколько гроз
Осилили, не требуя регалий.
Их сковывал петрищевский мороз,
Костры лесные их отогревали.

У смерти отвоевывая нас,
Как сыновей, из боя выносили.
Мы снова убеждались каждый раз,
Что нет предела материнской силе.

А позже, запеленаты в бинты,
Своих мужских, тяжелых слез не пряча,
Вернувшись из смертельной темноты,
Мы узнавали их на лбу горячем.

В них тает снег и теплится огонь,
Дождь звенит и припекает солнце,
И стонет скрипка, и поет гармонь,
И бубен заразительно смеется.

Они бегут по клавишам,
И вдруг
Я замираю, восхищеньем скован:
По властному вельюю этих рук
Во мне самом рождается Бетховен.

Мир обступил меня со всех сторон,
Лишь на мгновенье задержав вращенье,
И, как воспоминанье, древен он
И юн, как наступившее свершенье.

Они бегут по клавишам.
И вот
Воскресло все, что память накопила...
Мне мама колыбельную поет,
Отец сидит в раздумье у камина.

Вот вышли наши женщины плясать.
О крылья гордой журавлиной стаи!
Боясь, как воду, страстность расплескать,
Не пляшут — плавают, не пляшут,
а летают.

Пожалуй, с незапамятных времен
Принц ищет в лебеди приметы милой,
И мавры убивают Дездемон.
Уже давно во всех театрах мира.

И Золушки находят башмачки,
Повсюду алчность побеждая злую.
Целую жесткость нежной их руки
И нежность мужественных рук целую.

Целую, словно землю.
Ведь они
Мир в маленьких своих ладонях держат.
И чем трудней и пасмурнее дни,
Тем эти руки и сильней и тверже.

Мир — с радостью и горечью его,
С лохмотьями и праздничной обновой,
С морозами и таяньем снегов,
Со страхами перед войною новой.

Мир, заключенный в полушарья карт,
Отживший мир и тот, который начат,
Мир, честный, словно легендарный
Нарт¹,
И тот, что лживый взгляд стыдливо
прячет.

На пражских и московских площадях
Они с ладони голубей кормили,
Чтоб голубь выше, чем орлы в горах,
Над миром поднял их мечту о мире.

И видел я, что звезды, как цветы,
Они в большой ночной букет собрали
И среди них с небесной темноты
Мою звезду любимую сорвали.

Ее, как камень, вправили в кольцо,
Взгляд приковав мой к этим звездным
бликам...

И вот чужое женское лицо
С тех пор мне стало дорогим и близким.

Вложил я сердце с юношеских лет
В любимые и бережные руки.
Не будет этих рук — и сердца нет,
Меня не будет, если нет подруги.

Моя судьба в ладонях этих рук.
Я знаю: если ослабеют пальцы
И сердце упадет на землю вдруг,
То не смогу я на земле остаться.

Но силы не покинули меня.
Пока пишу, пока дышу, живу я,
Повсюду, низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

3

В Москве далекой был рожден поэт
И назван именем обычным — Саша.
Ах, няня! С первых дней и с первых лет
Его для нас растили руки ваши.

В моих горах певец любви Махмуд²
Пел песни вдохновения и муки.
Марьям! Как много радостных минут
Любимому твои давали руки!

Теперь любое имя назови —
Оно уже не будет одиноко:
О руки на плечах у Низами³,
О руки, обнимающие Блока!

Когда угас сердечный стук в груди,
Смерть подошла, гнилые зубы скаля,
Тебя, мой незабвенный Эффенди⁴,
Они, чтоб оживить для нас, ласкали.

¹ Нарт — великан, мифический герой народов Северного Кавказа.

² Махмуд — дагестанский поэт, автор поэмы «Марьям» и многих стихотворений, посвященных женщинам Дагестана. Умер в 1919 году.

³ Низами — Ганджеви Ильяс Юсиф — великий азербайджанский поэт и мыслитель, живший в XII веке.

⁴ Эффенди Капиев — дагестанский поэт, прозаик. Погиб на фронте в 1944 году.

Когда на ветках творчества апрель
Рождал большого вдохновенья листья,
Из этих рук брал краски Рафаэль,
И эти руки отмывали кисти.

Не сетуя, не плача, не крича
И все по-матерински понимая,
Они сжимали плечи Ильича,
Его перед разлукой обнимая.

Они всплеснули скорбно,
А потом
Затихли, словно ветви перед бурей
И ленинское штопали пальто,
Пробитое эсэровскою пулей.

Они не могут отдохнуть ни дня,
Неся Земле свою любовь живую.
И снова, низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

4

Я помню, как, теряя интерес
К затеям и заботам старших братьев,
По зову рук далекой Долорес
Хотел в ее Испанию бежать я.

Большие, как у матери моей,
Правдивые, не знающие позы,
Вы молча хоронили сыновей
И так же молча вытирали слезы.

Сплетались баритоны и басы:
«Но пасаран!» — как новой жизни

символ.

Когда от пули падали бойцы,
Ей каждый сильный становился сыном.

Я помню, в сакле на меня смотрел
С газетного портрета Белоянис,¹
Как будто много досказал хотел,
Но вдруг умолк, чему-то удивляясь.

С рассветом он шагнет на эшафот,
Ведь приговор уже подписан дикий.
И женщина цветы ему несет —
Прекрасные, как Греция, гвоздики.

Он улыбнулся,
Тысячи гвоздик
В последний раз увидев на рассвете.
И до сих пор, свободен и велик,
Он по земле идет, смеясь над смертью.

Я помню Густу,²
Помню, как она
В одном рукопожатии коротком
Поведала, как ночь была черна
И холодна тюремная решетка.

Там, за решеткой, самый верный друг —
С любовью в сердце и петлей на шее,
Хранил в ладонях нежность этих рук,
Чтоб, если можно, стать еще сильнее.

Глаза не устают.
Но во сто крат
Яснее вижу наболевшим сердцем,
Как руки женщин Лидице кричат
И как в печах сжигает их Освенцим.

Я руки возвожу на пьедестал.
...У черных женщин — белые ладони.
По ним я горе Африки читал,
Узнал, как тяжко рабство в отчем доме.

¹ Белоянис Никос — национальный герой Греции, борец за мир и свободу. Казнен монархо-фашистским правительством Греции в 1952 году.

² Густа Фучикова — жена Юлиуса Фучика, национального героя Чехословакии, коммуниста, казненного фашистами.

И, повинуюсь долгу своему,
Задумавшись об их тяжелой доле,
Спросил у негритянки:
— Почему
У черных женщин белые ладони?

Мне протянув две маленьких руки,
Пробила словом грудь мою навывлет:
— Нам ненависть сжимает кулаки,
Ладони солнца никогда не видят!

Святые руки матерей моих,
Засеявшие жизненное поле...
Я нахожу с волнением на них
Мужские, грубоватые мозоли.

Ладони их, как небо надо мной,
Их пальцы могут землю сдвинуть
с места.

Они обнять могли бы шар земной,
Когда бы встали в общий круг все
вместе.

И если вдруг надвинется гроза,
Забьется птицей в снасти корабельной,
Раскинув сердце, словно паруса,
Я к вам плыву, земные королевы!

Земля — наш дом.
И всем я вам сосед —
Француженке, кубинке, кореянке.
Я столько ваших узнаю примет
В прекрасной и застенчивой горянке.

Как зная, ваши руки для меня!
И словно перед близким боем,
Снова
Целую, низко голову склоня,
Я руки эти, нежно и сурово.

5

Смеясь, встречает человек рассвет.
День нерожденный на рассвете вечен.
А днем — мгновенья для раздумий нет,
И кажется, что не наступит вечер.

А вечером задумчив человек,
Приходит зрелость, мудрая и злая...
Но я поэт.
День для меня — как век.
И возраста я своего не знаю.

Я поздно осознал сыновний долг,
Мучительный, счастливый, неоплатный.
Я осознал,
Но я вернуть не смог
Ни дни, ни годы детские обратно.

Себе я много приписал заслуг,
Силен самонадеянности вирус.
Как будто я лучом явился вдруг
Или дичком в саду плодовом вырос.

Теперь могу признаться, не тая:
Дороги все мои — твои дороги,
И все, что прожил, — это жизнь твоя,
И лишь твои всю жизнь писал я строки.

Я — новорожденный в руках твоих,
И я — слезинка на твоих ресницах.
За частоклоном лет мой голос тих,
Но первый крик тебе доныне снится.

Не спишь над колыбелью по ночам
И напеваешь песню мне, как прежде.
Я помню, как начало всех начал,
Напевы ожиданья и надежды.

Вхожу я в школу старую,
И взгляд
Скользит по лицам — смуглым,
конопатым.

А вот и сам я, тридцать лет назад,
Неловко поднимаюсь из-за парты.

Учительницы руки узнаю —
Они впервые карандаш мне дали.
Теперь я книгу новую свою,
Поставив точку, отпускаю в дали.

О руки матери моей, сестер!
Вы бережно судьбу мою держали,
И вас я ощущаю до сих пор,
Как руки женщин всей моей державы!

Вы пестовали ласково меня
И за уши меня трепали часто.
В начале каждого большого дня
Вы мне приветливо желали счастья.

И вы скорбили, если вдалеке,
В безвестности
Я пропадал годами,
И вы о жизни по моей руке
Наивно и уверенно гадали.

Вы снаряжали нас для всех дорог,
Вы нас во все походы провожали,
А стук услышав, на родной порог,
Счастливые, вы нас встречать бежали.

Когда коня седлает во дворе
В неблизкий путь собравшийся мужчина,
Его всегда встречает на заре
Горянка с переполненным кувшином.

Чужая, незнакомая почти,
Стоит в сторонке.
Только это значит,
Примета есть такая,
Что в пути
Должна ему сопутствовать удача.

Страна родная! Думается мне,
Твой путь имел счастливое начало:
Октябрь, скакавший к счастью на коне,
С кувшином полным женщина
встречала.

Она стояла молча у ворот,
Прижав к груди спеленатого сына,
И время шло уверенно вперед
И становилось радостным и сильным.

Октябрь перед последним боем пил,
Клинок сжимая, из кувшина воду...
Быть может, потому так много сил
И чистоты у нашего народа.

И шел любой за нашу правду в бой,
И мертвыми лишь падали с коня мы.
Но, Родина, ни перед кем с тобой
Мы голову вовеки не склоняли.

Не будет никогда такого дня,
Всегда беду мы одолеем злую.
И снова, низко голову склоня,
Я эти руки женские целую.

6

Я у открытого окна стою,
Я солнце в гости жду ежеминутно.
Целую руку милую твою
За свежесть нерастраченного утра.

Потом несу к нетронутым листам
И щебет птиц и ликование радуг...
Бывало, мать, пока отец не встал,
Все приводила на столе в порядок.

Боясь вспугнуть его черновики,
Чернила осторожно пополняла.
Отец входил и надевал очки.
Писал стихи.
И тишина стояла.

На оклик «Мать!» поспешно шла она,
Чтобы принять родившиеся строки.
И снова наступала тишина,
В ней лишь перо пришептывало строго.

Все тот же стол, и тишина вокруг —
Здесь время ничего не изменило.
И добрая забота близких рук
Вновь не дает пересыхать чернилам.

Мне руки говорят:
«Пиши, поэт!
Пусть песня никогда не оборвется,
Пусть наступает каждый день рассвет
И мысль всегда рождается, как солнце!»

И я пишу, пока писать могу,
Пока мне смерть не затворила ставен.
Но, словно след непрочный на снегу,
Должна и жизнь когда-нибудь растаять.

А песня не прервется и тогда,
Когда успею сотни раз истлеть я.
Она придет в грядущие года
Тревожным днем двадцатого столетья.

Потомки, позабывшие меня!
Отцов перерастающие дети!
Целуйте, низко голову склоня,
Как жизнь саму, родные руки эти!

Перевела с аварского
Ирина ОЗЕРОВА.

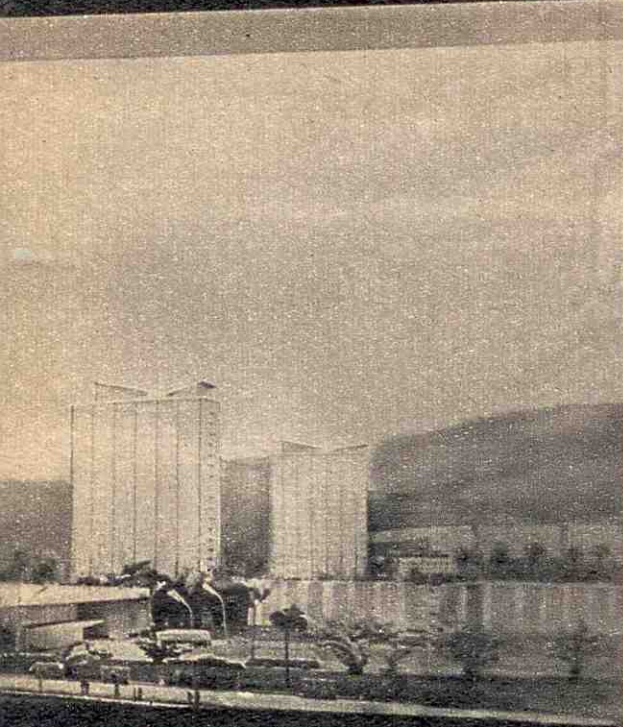
ШШ А Г А Е Т П

Итак, пятый. Начался пятый год семилетки. Его четыре предшественника оставили глубокий след на советской земле, в нашей жизни. Недавно, в декабре, когда на сессии Верховного Совета СССР подводились итоги 1962-го, мы все испытывали большую гордость. Гордость тружеников за свершенное. На какую поистине космическую высоту поднялась Родина! За четыре года семилетки объем промышленной продукции возрос почти в полтора раза — намного больше, чем предполагалось. Или еще сравнение. Только сверх плана за эти годы выработано миллион триста тысяч километров тканей — их хватило бы, чтобы трижды соединить Землю с Луной. А жилья мы построили столько, что в новые дома можно вселить население всей Франции.

Нас радуют семимильные шаги страны вперед, в будущее. Но мы знаем: можно сделать еще больше. Так сказала партия решениями ноябрьского Пленума ЦК КПСС. И это всеобщее стремление советских людей отражено в плане развития народного хозяйства СССР на 1963 год.

Как замечательно получается у нас! Всенародно обсуждали семилетку, все взвесили, все подсчитали. Прошло четыре года, и мы видим: есть новые возможности, можно пересмотреть задуманное. И пересмотрели. Промышленность выпустит в нынешнем году продукции примерно на 7 миллиардов рублей больше, чем предусматривалось по плану семилетки. Труженики сельского хозяйства продадут государству 4—4,5 миллиарда пудов хлеба. В строй встанут многие сотни предприятий. На электростанциях будут введены в действие турбины общей мощностью 9 600 тысяч киловатт — пятнадцать Днепрогэсов за год! Если наша промышленность и дальше будет так шагать, — а иначе и быть не может, — она за семилетку удвоит выпуск продукции.

Посмотрите на фотографию. С каким интересом разглядывают мать и сын макет застройки одного из городов! Где появятся эти красивые здания? Может быть, в Москве или в Новосибирске, в Архангельске или в Ростове. Все равно. Важно другое: они выра-

В 1963 ГОДУ БУДЕТ ПОСТРОЕНО
ЖИЛЫХ ДОМОВ
ОБЩЕЙ
ПЛОЩАДЬЮ
91 МЛН.
КВ. МЕТРОВ

Я Т Ы И

стут на нашей земле. Уже в этом году будет построено 91 миллион квадратных метров жилья. Размах жилищного строительства наглядно показывает заботу партии и Советской власти о человеке, об улучшении его жизни. Для матерей и их детей будет построено детских учреждений на 715 тысяч мест (а не 685 тысяч, как было в предшествующих наметках).

Да разве только в этом проявляется забота о труженике? Дополнительные средства на развитие легкой промышленности, увеличение фондов товаров для продажи населению, улучшение медицинского обслуживания, дальнейшее развитие культуры и искусства — все это принесет нам новые материальные и духовные богатства.

Задумано много. И все сбудется. Обязательно. В году триста шестьдесят пять дней. И нельзя потерять ни одной секунды из них.

Шагай, пятый! Доброго тебе пути! Мы идем с тобой, равняя шаг на лучших.

В ПОЛУНОЧНОМ

Яркие ковровые дорожки, тихие, уютные холлы, мебель, которой бы не постыдилась любая московская гостиница, просторные теплые номера... Разглядывая все это, мне хотелось ущипнуть себя за руку: полно, да в Мирном ли я?!

Впрочем, ущипнуть себя, как говорится, мне хотелось и немного раньше, когда под крылом нашего самолета в кромешной тьме приполярной ночи вдруг засияло море городских огней. Именно засияло, и именно море. Конечно, тот, кто видит Мирный впервые, может и не удивиться. Город как город. Много таких в нашей стране. Но те, кому довелось побывать в этих местах шесть лет назад, не могут не удивляться. Я был здесь в тот год, когда весь мир обежала сенсационная весть о самом крупном геологическом открытии нашего столетия: в Якутии, у Полярного круга, русские геологи нашли коренные месторождения алмазов.

Это означало, что советская промышленность перестанет испытывать алмазный голод. Современная техника «влюблена» в алмазы больше, чем все великосветские красавицы за всю историю человечества. Чтобы доводить детали до микронной точности и выше, технике нужны алмазные резцы. Резцы с алмазом почти в сто раз устойчивее самых устойчивых керамических сплавов. Буровая коронка с алмазами способна пробурить самую твердую породу в десять раз быстрее обычной.

Можно назвать много областей техники, в которых алмазы необходимы. Достаточно сказать, что промышленность США за год расходует почти 20 миллионов карат. Иными словами, около четырех тонн драгоценного минерала.

И естественно, что капиталистические монополии довольно неохотно продавали алмазы нашей стране. Но вот оказалось, что Советский Союз — владелец крупнейших алмазных месторождений.

Журнал алмазного синдиката «Дай-эмэнд ньюс» с прискорбием отмечал на своих страницах: «Если трубки, открытые в Центральной Сибири, действительно так богаты, как сообщает печать, и русские сумеют достичь запланированных темпов, через несколько лет Россия сможет бросить вызов алмазной добыче всех африканских стран... Однако надо сказать, что нет на земном шаре уголка более труднодоступного и сурового, чем те места, где русские открыли алмазы...»

Я вспомнил об этих сомнениях в комфортабельном номере отличной гостиницы. Зимой 1956 года здесь было с десяток рубленых домов и палатки, в которых голове было жарко, а ноги в валенках коченели. Тогда Мирный напоял десантную группу, окруженную непроходимой тайгой, болотами, морозами. Сюда все доставлялось самолетами — люди, хлеб, почта, материалы. А потом за дело взялись шоферы. Они проторили сквозь тайгу дорогу. В Мирный везли доски, брус и мебель, кнопки, гвозди и башенные краны.

И пусть приехавшие сюда впервые не удивляются ни комфорту, ни гостеприимству столицы алмазного края. Меня здесь удивляло все.

Тогда, в свой первый приезд, я разговаривал с Ларисой Анатольевной Поповаевой — первооткрывательницей коренных месторождений якутских алмазов, награжденной высшим орденом страны — орденом Ленина. И она и другие геологи говорили о создании алмазной индустрии как о деле десятилетия. А город их мечты, город с пятью крупными обогащательными фабриками, рудником, приисками, построен за пять лет.

Вечером Мирный особенно красив с его хорошо освещенными улицами, веселыми толпами у клубов и широкоэкранный кинотеатра, разноцветными огнями окон. И чтобы из конца в конец пройти по Ленинградскому проспекту или Московской улице, придется отмерить не один километр.

Дома здесь на сваях. Иначе нельзя: вечная мерзлота капризна. Обычный фундамент сохраняет тепло. Мерзлота либо неравномерно оттает весной, либо неодинаково промерзнет осенью — дом покорежится. Трубы парового отопления протянуты меж домами поперек, а не под землей. Также из-за мерзлоты. Фабрики высотой в шестизэтажное здание, собранные из металлических ферм, также стоят на сваях.

Большинство женщин Мирного трудятся на обогащательных фабриках, где из алмазосодержащей породы — кимберлита извлекаются драгоценные кристаллы.

Моем проводником по машинному лабиринту фабрики была Нина Харитоновна, начальник цеха коммунистического труда. В первых двух этажах — машинные залы. Здесь почти нет людей. Машины сами моют размоленную руду и отделяют тяжелые минералы, содержащие алмазы, от легких, пустых, пород. Обогащенная по-

рода поднимается на третий этаж, где стоят деревянные корыта величиной с обеденный стол. Они неустанно вибрируют, и через отверстие на их дне постепенно просеиваются алмазы и минералы-спутники.

Шла пересменка. В огромном зале было тихо. Работницы осматривали темную массу концентрата в застывших грохотах.

— Недавно был интересный случай, — рассказала Харитоновна. — Вот так же во время пересменки девушки осматривали грохоты и нашли большой кристалл размером в треть спичечной коробки, весом в пятьдесят два и две десятых карата. По традиции всем камням величиной более сорока карат дают имена. И девушки назвали алмаз «Молодежный».

В мире есть много больших алмазов. И часто, когда речь заходила о них, рассказывались невероятные и трагические истории. Каждая грань этих больших кристаллов обгажена человеческой кровью. Персидский шах алмазом расплатился с русским царем за убийство Грибоедова. Бриллиант «Орлов», подаренный Екатерине II ее наперсником, был похищен на Востоке и доставлен посыльным в специально сделанной ране на бедре...

Но истории крупных кристаллов, найденных в Якутии, светлы и чисты, как чисты и прекрасны души и судьбы тех людей, что первыми прикоснулись к ним.

Однако находки крупных кристаллов — редкость. А обычные алмазы, величиной в десятые доли карата и покрупней, поступают в сушилку вместе со спутниками, а отсюда на аппараты, отделяющие спутники от алмазов.

Пересменка кончилась. Каждая работница спешит к своему агрегату

КРАЮ АЛМАЗОВ

У КАРТЫ
РОДНОЙ СТРАНЫ

Пятый сезон работает на фабрике Зоя Максимовна Трусова. Она отсадчица, следит за грохотами. А рядом с ней трудятся молодые работницы. Год, как они приехали в Мирный, и теперь, пройдя школу у Зои Максимовны — опытной добытчицы алмазов, девушки так же, как и она, разбираются во всех тонкостях своей профессии.

Вечер в Мирном трудно отличить от вечера любого города страны. Он посвящен отдыху и учебе. Мирненцы учатся много и упорно. Они овладевают новыми специальностями, занимаются в школах рабочей молодежи, увлекаются спортом.

Труд, учеба и мечты... Они определяют жизнь каждого советского человека. Они определяли жизнь тех, кто первым нашел в глубине Якутии драгоценные кристаллы, жизнь тех, кто возводил первые дома в Мирном, и тех, кто ушел в тайгу на дальнейшие поиски. Когда мечта человека заживет на прочном фундаменте труда и учебы, она не может быть бесплодной.

В шестистах километрах от Мирного, у самого Полярного круга, геологи открыли новый клад — алмазную трубку «Айхал». По-якутски это значит «Слава». Говорят, что новое месторождение вполне оправдывает свое название.

Два года с небольшим прошло с того времени, как геологи открыли трубку, но сейчас на Айхале уже построены рабочий поселок, обогатительная фабрика, плотина, заполняется водохранилище. Айхал строится в два раза быстрее Мирного. (Да это и понятно: он освоил опыт старшего брата — Мирного.)

Улицы поселка протянулись по склону сопки. Окна квартир выходят только на юг. Иначе нельзя — климат здесь посуровее мирненского.

О том, почему так построен поселок, мне рассказала его старейшая жи-

тельница, Анна Михайловна Иванова. Она приехала сюда в числе первых.

У нее была должность — начальник жилищно-коммунальной конторы рудника. Но еще не было ни рудника, ни конторы, ни одного дома. И на первых порах она была просто комендантом крохотного палаточного лагеря.

Иванова была в Мирном лучшим комендантом молодежного общежития. Впрочем, иначе она и не могла бы на Айхал. Туда посылали самых инициативных, самых старательных работников.

С помощью рабочих Анна Михайловна развернула среди низкорослой и хилой лиственничной тайги свое хозяйство — четыре утепленные палатки. Она ждала колонну автомашин, которые пробивались сквозь подмерзшие болота и мари к Айхалу.

И когда машины пришли, когда они стали прибывать ежедневно, Анна Михайловна была не только комендантом. Она готовила обед для рабочих и шоферов, стирала, топила печи, следила, чтоб белье у рабочих было сухим.

Многие не знали ее имени, а звали просто «мамаша». И она действительно была матерью для десятков людей, встречала и провожала своих «сыновей»-шоферов в дальний шестисоткилометровый путь по нехоженой тайге, заботилась, думала и тревожилась за них. Вместе с фельдшерницей Машей Куликовой принимала первого младенца, родившегося в Айхале, которого назвали Славой — в честь поселка, где он родился.

Скоро Айхал по красоте и благоустроенности будет соперничать с Мирным.

А теперь градостроители проектируют для Якутии дома, которые будут отапливаться электричеством. В них будут прогреваться сами стены. Электроэнергия станет главной силой на рудниках, обогатительных фабриках и алмазных драгах.

Энергию даст Вилуйская ГЭС. Она сооружается на Вилуе — реке, где был найден первый алмаз.

Летом Вилуй богаче водой, чем Днепр. Реку перегоридит камнебросная плотина высотой в два раза выше плотины Иркутской ГЭС. Берега Вилуя одеты в крепчайшую горную породу — диабаз. Из него и отсыпают плотину. А здания станции просто не будут. Турбины разместятся в скале на правом берегу реки. В скале пробивается туннель, куда и будут опущены турбины.

И вот берег Вилуя. Ряды пологих сопок, уходящие за горизонт. Суровый, дремучий край. Проезжаешь еще сто, двести метров, и из-за поворота открывается панорама стройки. В морозном воздухе гулко гудят моторы двадцатипятитонных самосвалов-гигантов, насыпающих плотину, урчат бульдозеры, оттаскивая взорванную породу, точно исполинские руки, черпают землю экскаваторы.

Поселок строителей носит имя Николая Гавриловича Чернышевского. Сто лет назад неподалеку от этих мест он томился в ссылке. И кто знает, может быть, глядя на безлюдные просторы Севера, великий мечтатель думал о его будущем. Верил: у русского народа достанет силы, чтобы оживить и преобразить эти глухие, суровые места.

И оно, это будущее, пришло на дикие берега Вилуя. Когда я говорю так, то имею в виду не только технику, не только труд людей. Нет, я имею в виду высокие помыслы, сердца тысяч людей, которые живут в поселке Чернышевского.

Будущее для нас — это прежде всего моральная чистота. Я не хочу сказать, что в поселке живут ангелы. И все-таки здесь нет ни милиции, ни суда. Охраной общественного порядка занимаются дружинники, а высшим судебным органом является товарищеский суд.

Так живут люди в Чернышевском на Вилуе, далеком северном притоке Лены, — маленьком поселке с большими и красивыми традициями.

Через год дадут ток турбины первой очереди Вилуйской ГЭС.

И наверняка через год или два, посетив еще раз эти места, мы узнаем о новых прекрасных мечтах и смелых свершениях.

Младший брат Мирного — поселок Айхал.

Фото Я. Рюмина.

Дочь острова Свободы

Через журнал «Работница» передаю горячий привет всем замечательным советским женщинам, которые вместе с мужчинами, товарищами по борьбе, сделали свой великий народ непобедимым и славным в веках.

Анхела Алонсо

На обложке нашего журнала вы видите двух женщин: известную героиню кубинского народа Анхелу Алонсо и московскую ткачиху Валентину Лапунову.

Впервые об Анхеле Алонсо я услышала на Кубе от председателя Федерации кубинских женщин Вильмы Эспин де Кастро.

...В незабываемые дни, когда в горах Сьерра-Маэстра готовился решающий штурм диктатуры Батисты, юная Анхела сражалась в партизанском отряде. Она была связной, отважно делила с мужчинами трудности и опасности солдатской жизни. Ей поручали самые сложные и трудные задания, и она бесстрашно справлялась с ними. На ее долю выпало особенно жестокое испытание: во имя революции она должна была принести в жертву жизнь самого дорогого для нее человека...

В январе 1959 года кубинская революция победила. Анхела Алонсо по-прежнему страстно и самоотверженно служит своему народу. Окончив партийную школу, она преподает в Гаванском университете марксизм-ленинизм, деятельно участвует в воспитательной работе среди женщин, помогает создавать курсы, на которых женщины овладевают различными профессиями.

Осенью этого года я побывала на

Кубе. Это были трудные для республики дни накануне объявления блокады Соединенными Штатами. Готовый в любую минуту дать отпор агрессору, народ Кубы продолжал строить новую жизнь.

Мы увиделись с Анхелой во Дворце пионеров. Народное революционное правительство поручило ей работать с детьми. Анхела долго расспрашивала нас о делах пионеров в нашей стране, чтобы самое интересное передать детям Кубы. «Мы хотим выполнить наказ Фиделя Кастро о том, что все лучшее в нашей стране должно принадлежать детям», — воодушевленно рассказывала Алонсо. В эти дни она готовилась к поездке в Советский Союз.

...Подвиг Анхелы Алонсо перешагнул границы ее страны. Советский композитор К. Я. Листов написал оперу «Дочь Кубы», в основу либретто которой положена жизнь Анхелы Алонсо. И вот в декабре 1962 года в зале Петрозаводского театра оперы и балета вместе со зрителями сидела сама героиня. Спектакль прошел с огромным подъемом и превратился, как и все пребывание Анхелы в Советском Союзе, в волнующую демонстрацию дружбы между советским и кубинским народами. Всюду, где бы ни была Анхела Алонсо — на фабрике, в школе, в детских учреждениях, — ее встречали с любовью и теплотой.

Перед отъездом из Советского Союза Анхела Алонсо сказала мне: «Я очень полюбила советских людей. Как я благодарна за то, что советский народ помог моей родине отстоять свою свободу от посягательств американских агрессоров! Я высоко ценю тот опыт, который приобрела во время своей поездки по Советскому Союзу. Дружба между нашими народами — залог дальнейшего успешного развития нашей революции. Возвратившись на родину, я с еще большим энтузиазмом буду работать на благо своего народа, во имя дружбы и мира во всем мире».

Н. БЕРЕЖНАЯ

Короткие рассказы

Г. НЕМЧЕНКО

СНЕГ

Весь день шел снег. Он был густой, пушистый и потому, наверно, казался теплым.

Я ездил в дальний Телеутский карьер. Рядом с карьером лес — белый и тихий. В карьере курили мазисты.

Пожилой шофер стащил промасленную шапку и долго стоял с непокрытой головой. В спутанных волосах засыпали и таяли снежинки...

Даже сердитые «МАЗы», выбираясь из карьера, ворчали как-то умиротворенно.

Вечером я задержался на работе и потом долго дожидался попутной машины.

Смотрел на стройку.

Снег заглушал звуки. Безмолвно плыли над полигоном огни кранов. В темных окнах громадного кирпичного корпуса полыхали зарницы электросварки.

Стройка была красивой до грусти. Сегодня она почему-то напоминала о детстве, о новогодней елке в отцовском доме, о желтовато-красных, чуть смор-

ценных яблоках шафран, которые до весны лежали в соломе под кроватью...

...Машина затормозила далеко от меня, и мне пришлось пробежать еще ей навстречу.

Я открыл дверцу, стал на подножку.
— В поселок?

Незнакомый парень подвинул к себе бушлат, лежавший на сиденье.

— Садись.

Ехал тихо. Снежинки мчались навстречу.

Шофер посмотрел на меня и вдруг сказал:

— Значит, отбил ты у меня Галинку.
— Как отбил? — спросил я.

Он усмехнулся. Невесело так усмехнулся.

— Так и отбил. Что ж ты, не знаешь, как отбивают? Ровесники, небось...

Мне ничего не оставалось, как сказать:

— Так оно, брат, и бывает...

Хотелось закурить, но я не решался почему-то.

Он предложил вдруг сам:

— Закурим, может?

По доброй шоферской традиции я прикурил для него папиросу. Затянулись оба.

— Ранней весной я ее встретил, — заговорил он тихо. — Подвозил ее как-то с работы. До самого общежития. И номер комнаты узнал, где живет. Только не заходил туда никогда. Встанешь утром, еще петухи не кричали. Пешком скорее до стройки. Разогреешь мотор — и в поселок. Погудишь под окнами — она выбегает. Радостная такая, светлая. Довезу ее к восьми на участок — и на линию, из последних жму. Чтобы не опоздать. И так каждый день.

Машину слегка покачивало. Я смотрел на дорогу, на то, как подминает машина под себя серебристые снежинки. Не знаю, о чем я думал. Скорей всего я пытался разобраться в своих чувствах к этому незнакомому парню, который так вот, в пустой след назвался моим соперником.

Шофер ткнул пальцем в лобовое стекло.

— У меня тут раньше Буратино висел. Тогда я его повесил. Ехали мы, а она каждый раз говорила: «Какой смешной деревянный мальчишка! Он мне почему-то напоминает тебя, Володька!»

Я покосился на Володьку. Непохож совсем. Детские, чуть припухшие губы. Глаза смотрят открыто и грустно. Не на дорогу, а вдале куда-то.

— А потом подъехала я к общежитию как-то утром. Знаешь, когда это было? Сразу после Дня строителя вот. Гудел, гудел, никто не выходит. Я бросил машину, поднялся на третий этаж. Выходит заспанная соседка, говорит мне, что Галинка в городе осталась, у подружек. Только я тогда ничего не понял. На следующее утро снова за ней заехал. Выбежала она, счастливая такая. Смеялась всю дорогу, только про моего Буратино не сказала ни слова.

Мы сидим молча, курим наперегонки. Володька спросил неожиданно, как старый знакомый:

— Ну, в порядке все? Жилье-то хоть дали?

Я впервые смутился.

— Дали.

Снова помолчали.

Впереди показались яркие ячеики окон поселка.

— Ты меня извини, конечно, — тихо сказал Володька.

— За что? Ты меня извини.

— Чего там...

Остановились мы около универсама. Я зацепился полкой шубы за ручку и долго стоял на подножке, стараясь отцепиться.

Потом протянул Володьке руку.

— Ну, до свидания.

Он коротко пожал ее. Сказал грустно, глядя на дорогу:

— Не обижай ты ее, ладно? Очень хороший человек она, понимаешь?

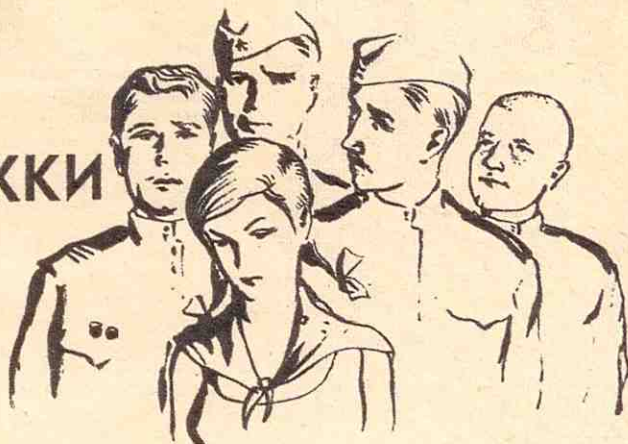
— Понимаю, — сказал я. — В том-то и дело.

— Ну, прощай!..

Машина повернулась и с места рванула по дороге. Обратно на стройку.

Я стоял и смотрел ей вслед. Снежинки, маленькие, чистые, как невесты, кружились в воздухе и плавно опускались на землю.

КРАСНЫЕ БОСОНОЖКИ

Рисунки Ю. Теребилова.

Неделю глухо ворочались над стройкой иссиня-черные тучи, шлепали по лужам пузатые дождевые капли.

Начальник, грохнув стулом, тяжело поднялся из-за стола, шагнул к окну, хлопнул рамами. Стекла тоненько звякнули.

Он повернулся резко и повторил:

— Нет у нас в конторе работы... Понимаете? А на стройке трудно вам после болезни...

Наверно, маленькая девушка не понимала. Она теребила пеструю косынку на шее и, кажется, не собиралась уходить. Сжала кулачки на груди, сказала почти шепотом:

— Как же быть мне, товарищ?..

Я посмотрел на маленькую сочувственно, и впервые за время разговора мне бросились в глаза ее красные босоножки, совершенно сухие и чистые. Взглянул на свои залепанные грязью сапоги и удивился: как прошла?

Дверь приоткрылась, просунулась голова в солдатской фуражке. Кивнула, будто тоже спросила: как?

А маленькая покосилась на дверь и покачала головой.

Тогда дверь открылась настежь, и в комнату один за другим ввалились парни в солдатском. Стали вокруг девушки, и только потом один из них сухо спросил у начальника:

— Разрешите?

Разрешили.

Он шагнул вперед и отчеканил:

— Надо устроить ее на работу, ясно?

И добавил тихо:

— Сирота она...

Сказал это так твердо, что начальник вдруг молча отвернулся к окошку и уже через плечо сказал неуверенно:

— В курьерши разве?..

Парни загудели, а потом один из них, видно, старший, сказал по-хозяйски:

— А что?.. Работа не пыльная, пока сойдет...

Они ушли вместе с маленькой девушкой. Начальник жаловался на жизнь, на то, что ни днем, ни ночью на стройке нет покоя. Я стоял у окна, курил.

За окном в выбоине судорожно дергался «МАЗ». Возле суетились каменщики — бросали под колеса кирпичную крошку.

Потом вдруг «МАЗ» затих, и из кабины высунулся шофер. Показал пальцем куда-то под окно. Каменщики обернулись, и я тоже посмотрел вниз.

От крыльца осторожно шагали двое солдат. На сплетенных руках сидела маленькая девушка. Она поджала ноги в красных босоножках и, улыбаясь, смотрела на каменщиков. А двое шли строго, не обращая внимания на шутки, и под ногами у них захлебывалась жирная грязь...

Я вышел через минуту.

Внизу каменщики окружили остальных солдат.

Они стояли, польщенные вниманием. Говорил щупленький рыжий ефрейтор:

— А чего? В Иркутске мы ее встретили, на вокзале. Жила раньше в детском доме, потом работала... Да заболела. Поехала в Иркутск к дальней родне... А та переехала куда-то. Сидит на вокзале, плачет. Наш Колька ей и говорит: «Поедешь с нами — не пропадешь, сестренка...»

Каменщики молчали.

Рыжий, выпятив грудь, спросил вызывающе:

— А чего, пропадет, что ли?..

Сполминуты мы недоверчиво смотрели на небольшую стопку только что распечатанных писем. На наших лицах было одно и то же выражение — выражение сердитого разочарования. Фирменная бумага и аккуратные машинописные строки будто насмеялись над нами, совсем как самовлюбленная красotka, отвергающая преданного, но скромного поклонника бессмысленным предложением: «Будем просто друзьями». Наши щеки, подколотые к каждому из писем, образовывали как бы пограничную полосу, отделявшую слова «милостивый государь» от остального текста. По правде говоря, эти письма не были грубыми. Их авторы соблюдали все правила чопорной английской вежливости: «Наша радиостанция с сожалением...», «Городское телевидение с сожалением...», «Ивнинг Уайр с сожалением...». Все письма однообразно отказывали объявить о предстоящем созыве конферен-

городным домом и машиной. У нее были для этого все данные: работоспособность выше средней, красота да еще величественная осанка, способная вызвать спазмы яростной зависти у самой аристократической мисс.

Естественно, что мы были удивлены, услышав ее предложение.

Джо Адамс поднялся и, взглянув с видом отеческого порицания на девушку, спросил:

— Что же вы намереваетесь сделать, милая леди? Только не говорите, что решили соблазнить шефа телевидения!

Лицо Уинни мгновенно покрылось румянцем.

Я дернул Джо за пиджак и прошепел:

— Бога ради, Джо, думай, что говоришь.

Но тут Джо подмигнул нам всем. Это дружелюбное подмигивание смягчило резкость слов.

Девушка оглядела членов комитета и, заметив их неподдельный интерес, улыбнулась не ослепительной киноулыбкой, к которой мы привыкли, а просто спокойно улыбнулась, став от этого еще красивее.

Потом неторопливо подошла к нам.

— А что, — живо сказала она, — если нам захватить микрофон в самом аристократическом ресторане... Знаете «Люкс»? — И с насмешливой улыбкой оглядела наши удивленные лица.

Постепенно ее идея начала укладываться в наших головах. «Люкс» был самым шикарным рестораном города. Вечером по местной радиосети транслировались выступления джаза из этого ресторана. Но как и кто передаст текст звоняния? Эти вопросы в равной мере занимали нас всех. И мы, не сговариваясь, взглянули на Уинни, ожидая ответа. Простота ее плана была очевидна, несомненен был и его успех. Правда, кто-то высказал опасение, что участникам «дела» не избежать неприятностей. На что Уинни ответила с наивной серьезностью:

У И Н И

Лен УИНКОТТ

РАССКАЗ

ции в защиту мира и возвращали плату за это объявление.

— Ну, — поинтересовался секретарь, — что теперь будем делать?

Мы дружно промолчали.

— Все ясно, — снова заговорил секретарь, — они хотят окружить нашу конференцию стеной молчания.

Враги мира решили провалить конференцию, не показываясь при этом на арене борьбы. Это было хуже, чем если бы они попытались действовать силой.

— Боюсь, что всем нам придется теперь распространить гораздо больше листовок, чем прежде, — проговорила миссис Френч, седая учительница, муж которой погиб под Дюнкерком. — Что ж, я готова рискнуть, хотя директор уже не раз намекал, что он против моей работы в Комитете мира. Но все равно... — Она не закончила мысль, ведь мы и так знали, на какие жертвы готова была пойти эта женщина.

К сожалению, предложение миссис Френч далеко не решало задачу. И Джо сказал об этом.

— Может быть, я смогу помочь? — раздался голос из угла.

Дюжина голов одновременно резко повернулась к сидевшей в углу за столиком девушке. Мы уставились на нее, наверное, так, как глядели бы на экспонат зоопарка, по ошибке попавший в нашу комнату.

Было отчего прийти в изумление. Уинни, как звали девушку, никогда не была глашатаем мира. Окончив курсы секретарей и не имея денег на приобретение собственной пишущей машинки, она предложила нам свои услуги даром для получения практики. Правда, не без нажима со стороны деда, который был одним из первых сознательных противников мировой войны 1914—1918 годов.

Уинни превосходно нам подошла: не вмешивалась в разговоры, четко работала и была неприметна, как мышь. А мы всегда относились к ней как к способной девушке, целью которой было сначала стать секретаршей, потом выйти замуж за шефа и вознестись в свой мелкобуржуазный рай с за-

— Говорят, на войне невозможно без жертв, так, по моему, теперь мира без жертв тоже не добиться.

На следующий день мы с Уинни поехали в ателье проката за вечерними туалетами. Не без труда мы выбрали очаровательное платье для Уинни, в котором она выглядела еще привлекательнее, а также смокинг и белый галстук-бабочку для ее спутника — Боба. Этот молодой человек, активный участник всех походов за мир, тотчас дал согласие стать партнером Уинни. Он был красив и обладал великолепной дикцией. Как казначей комитета, я обычно с трудом выдавал деньги, вверенные моему попечению, но на этот раз я вел себя, как любящий отец, отдающий дочку замуж. Я нанял даже «ролс-ройс», длинный лакированный автомобиль с водителем, облаченным в ливрею.

Этот автомобиль незадолго до двенадцати и подкатил к величественному подъезду «Люкса». Небрежно кивнув швейцару, молодой человек помог своей спутнице сойти на ослепительно белые мраморные ступени. С царственным видом юная пара проследовала в роскошное помещение ресторана. Выражение лиц у обоих было такое, будто они в состоянии купить весь этот ресторан со всей его роскошью, как простую безделушку. Метрдотель и двое официантов с поклонами проводили нарядную пару к заранее заказанному столику, находящемуся в нескольких шагах от эстрады.

Внешне оба выглядели непринужденно, хотя порядком перетрусили: великолепие ресторана ошеломило их.

Молодой человек между тем заказывал блюда, названия которых были для Уинни так же неизвестны, как и весь окружающий ее сейчас мир. Но Боб, по-видимому, хорошо справлялся со своей ролью. Во всяком случае, суетившийся вокруг них официант был совершенно подобострастен, — ясно, он и не подозревал, что обслуживает безработного слесаря.

Низкий, протяжный вопль саксофона возвестил о начале концерта. Несколько пар приготовились танцевать.

Уинни не спускала глаз с певца, который, ухватившись за

микрофон, улыбался гостям, ожидая момента, когда ему надо вступить.

...«Пора»,— сказала себе Уинни, когда певец умолк. Она оперлась о ручки кресла, готовясь подняться, и неожиданно почувствовала страх. Страх сковал ее мускулы, прижал к креслу. Но тут она услышала резкий возглас Боба:

— Уинни!

Этот голос словно подхлестнул ее, она преодолела слабость и твердо ступила на сверкающий пол. Медленно приблизилась она к эстраде и остановилась перед певцом как раз в тот момент, когда он собирался что-то сказать умолкшему оркестру. Жестом, полным милого кокетства, Уинни поманила певца. Угодливо улыбаясь, певец наклонился к Уинни.

— Чем могу служить, мадам?

Уинни, изображая смущение, опустила голову и пролепетала что-то себе под нос.

Певец наклонился еще ниже.

— Простите, мадам, не повторите ли вы свою просьбу?

Уинни краем глаза видела, как Боб встал со своего места и направился к ней.

— Я, к сожалению, не помню названия этой песни,— продолжала она уже громче,— но звучит это примерно так...— И она начала напевать мелодию старой шотландской песенки. Певец, склонившись, вслушивался в мотив. За его спиной Боб легко вспрыгнул на эстраду. И Уинни услышала его низкий отчетливый голос:

— Слушайте, слушайте! Десятого числа следующего месяца открывается конференция в защиту мира. Присылайте своих делегатов!..

Улыбка на лице певца сменилась недоумением, затем

злым оскалом, но Уинни схватила его за отвороты пиджака и резко потянула книзу. Случилось это так неожиданно, что певец потерял равновесие и свалился с эстрады. Боб повторил свое сообщение еще раз. Несколько мужчин бросились к эстраде. Боб спрыгнул к Уинни как раз в тот момент, когда дирижер, опомнившись, взмахнул руками и оркестр заполнил сверкающий зал каскадом звуков.

Бежать было поздно. Боба и Уинни окружила дюжина людей с безучастными лицами, которые поспешно, но бесшумно вывели их из зала через боковую дверцу. А метрдотель заверял обеспокоенных посетителей, что никаких причин для волнения нет.

Через несколько минут Уинни и Боб очутились в длинном коридоре. Официанты, на глазах превратившиеся из подобо-страстных слуг в бесцеремонных вышибал, грубо тащили их к двери с табличкой «Управляющий». В роскошно обставленном кабинете за столом сидел небольшой лысый человек в безукоризненном вечернем костюме и сердито глядел на вошедших.

— В чем дело, Джеймсон?— обратился он к старшему официанту.

— Красные, сэр. Явились устраивать тут беспорядки, сэр.

Управляющий поднял брови, как бы сомневаясь в возможности каких-либо «красных» беспорядков в своем ресторане. С минуту он, прищурив глаза, пристально всматривался в лица Боба и Уинни, затем внезапно приказал:

— Хорошо, Джеймсон, возвращайтесь на свое место.

Когда дверь за официантом закрылась, управляющий жестом пригласил Боба и Уинни занять два огромных кожаных кресла, стоявших перед большим столом. Молодые люди, переглянувшись, сели.

— Что вам угодно, сэр?— вежливо поклонившись Уинни, обратился управляющий к Бобу.

— Ничего, ровно ничего,— ответила Уинни.— Мы уже сделали все, что нам было нужно, а теперь хотим одного— уйти.

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Войдите!— резко крикнул управляющий.

На пороге показался официант, за ним полисмен.

Управляющий недоуменно посмотрел на них.

— Господи, Смизерс!— воскликнул он с неприятным испугом.— К чему полисмен? Нашего ресторана не должна даже тень скандала!

Он обернулся к полисмену:

— Извините, констебль, в вашем присутствии здесь нет никакой необходимости. Но я думаю, вы не откажетесь от приличного ужина? А тут я сам все улажу. Очень вам обязан, констебль.

Полисмен, пожав плечами и пробормотав: «Как желаете, сэр»,— проследовал за официантом.

Управляющий крикнул вдогонку:

— Смизерс, зайдите на первый этаж, скажите Баукеру и Петерсу, что им придется поработать.

Рисунки В. Высоцкого.

Брови официанта удивленно поднялись.

— Слушаюсь, сэр,— ответил он и бесшумно прикрыл за собой дверь.

— Ну и идиот,— рассмеялся управляющий, оборачиваясь к Бобу и Уинни.— Вас, мадам, и вас, сэр, я прошу покинуть мой ресторан. Смею надеяться, что подобное не повторится. Я не могу допустить, чтобы такие инциденты вредили моему предприятию. Прошу вас.— И он указал на маленькую дверь в глубине комнаты.

Боб поднялся с места, но, прежде чем уйти, сказал:

— Меня беспокоит счет. Мы хотели бы уплатить. Нам не хочется, чтоб полиция обвинила нас в том, в чем мы виновны.

— О, что вы, сэр,— запротестовал управляющий, подняв в ужасе руки.— Это же политика, а я политикой не занимаюсь. Я бизнесмен. Можете быть уверены, что со счетом будет все в порядке. Это я беру на себя. Какой пустяк! Прошу.— Он открыл дверь с коротким, вежливым поклоном.

Боб и Уинни оказались сначала в длинном коридоре, а затем в узкой темной улочке. Молча прошли они несколько шагов. Уинни взяла Боба под руку.

— Страшный человек. Не правда ли? — сказала она.— Напоминает спящего крокодила.

— А ты фантазерка,— улыбнулся Боб.— Так, значит, ты...

Но Уинни так и не узнала, что он хотел сказать. Что-то прорезало воздух, будто на них опустилась огромная летучая мышь, потом послышался глухой удар и следом за ним сдавленный стон Боба. Уинни в ужасе обернулась и увидела человека в узком макинтоше и низко опущенной на глаза темной шляпе. Он стоял над распростертым телом Боба, помахивая дубинкой. Второй человек, одетый так же, как и первый, рванулся к ней. Она хотела закричать, но страх так сдавил ей горло, что вырвался только хрип. И тут тяжелый кулак, вооруженный кастетом, безжалостно врезался ей в лицо. Она все же успела заметить черный галстук-бабочку и отворот стоячего белого воротничка. «Один из официантов»,— теряя сознание, с омерзением подумала она...

Так же бесшумно, как появились, люди в макинтошах исчезли, и на безлюдной улочке снова воцарилась глубокая, почти кладбищенская тишина.

...Мы посетили Уинни в больнице только через неделю после случившегося. До этого, как мы ни рвались к ней, нам неизменно отвечали, что ее увидеть нельзя.

Я захватил с собой все три местные газеты и некоторые лондонские, описавшие случай в ресторане, мечтая прочесть их Уинни.

Все мы волновались: Уинни была новичком в нашей борьбе, и встреча с жестокостью врага могла сильно поколебать ее стойкость.

Мы медленно подошли к койке девушки и обступили ее, понурив головы, как двенадцать обвиняемых, ожидающих приговора. Из-за огромного тюрбана, искусно созданного из бинтов, мы увидели щеку и глаз. При нашем появлении в щеле что-то дрогнуло, а в глазу мелькнуло выражение радости.

Взгляд Уинни остановился на Джо.

— Хелло, Джо! Боюсь, что мне теперь не удастся совратить ни одно должностное лицо, а?

Джо опустил глаза и закусил нижнюю губу, его лоб и шея залились краской.

— Ничего,— успокоила Уинни смущенного Джо.— У меня будет много более полезных занятий, когда я отсюда выйду.

Джо подтолкнул секретаря, и тот разложил перед Уинни все газеты.

— Хорошо,— сказала Уинни,— хоть это их проняло.— Потом она повернулась ко мне:— Нельзя ли отвадить от меня сыщиков? Они приходят каждый день и без конца допытываются: «Кто послал вас к микрофону?»,— а я неизменно отвечаю: «Несколько сотен миллионов сторонников мира». Они свирепеют и начинают ругаться.

Нам было известно отношение официальных лиц к избитию Уинни и Боба. Сколько мы ни зывали к правосудию, полиция неизменно заявляла, что нет никаких доказательств к тому, чтобы искать бандитов, напавших на наших друзей, среди служащих ресторана. Все служащие, по утверждению полиции, были опрошены, и у всех были прочные алиби. К тому же напавшие прихватили с собой бумажник Боба, а это давало полиции основание квалифицировать преступление как обычный грабеж.

Из больницы я уходил последним.

— Уинни,— сказал я,— ты, наверное, даже не понимаешь, что ты сделала для нашего движения. Благодаря тебе мы теперь уверены в успехе. К нам идет множество заявлений о желании принять участие в конференции, а с ними и жертвования в фонд мира. Выздоровляй скорее. Ты заслужила почетное место в президиуме.— У меня неожиданно перехватило дыхание.

— Я буду. Скажи всем, что я обязательно буду на конференции,— ответила она.

Я крепко пожал ей руку и быстро вышел из палаты. «Скажи всем»,— повторил я про себя,— скажи, всем, что солдаты мира — самые мужественные из всех солдат».

Перевел с английского Т. АЛИВГЕВ.

Письма в редакцию

На отшибе

Дорогая редакция!

Пишут вам горьковские рабочие, жители поселка Московское шоссе, Канавинского района. Этот новый поселок выстроен в 9 километрах от города. Мы можем доехать туда только на автобусе, который ходит редко, и поэтому на работу часто опаздываем. В трех километрах от нас проходит троллейбусная линия, но за четыре года существования поселка ее так и не смогли подвести ближе к нам.

Школа разместилась в жилом доме, и там всего четыре класса. Классные комнаты малы, физкультурного зала нет. Питание школьников не надежное. Нет даже горячего чая для ребят, не говоря уже о завтраках.

Старшеклассники вынуждены ездить на занятия в другие районы города. Нет в поселке и детских яслей. Малышей приходится возить далеко от дома. Детский сад, правда, есть, но он тоже помещается в жилом доме и рассчитан на небольшое число детей.

Жителей в поселке много. Выстроено 18 трехэтажных домов. А вот больницы нет. Если в ночное время нужно

вызвать врача или «Скорую помощь», то приходится идти в больницу пешком, так как телефон-автомат работает с перебоями, автобус же ходит только до 10 часов вечера.

Нет ни бани, ни парикмахерской, нет даже протоговарного магазина. Вот и судите, как живем мы эти четыре года. А заботиться о нас никто не хочет.

Козезина, Ширлева и другие,
всего 94 подписи.

г. Горький.

Бездушные

Веру Максимовну Калининну мы знаем шесть с лишним лет. Она к нам приходит на почту, спрашивает письма «до востребования». Нелегкая жизнь у этой женщины. Во время Отечественной войны муж пропал без вести. Она одна воспитывала пятерых детей.

Сейчас дети выросли, разъехались в разные стороны и как в воду канули. А тут пришла старость, болезни. Живется ей трудно.

Мы решили разузнать адреса бесщедрых детей. Вот они: Анатолий Иванович живет в г. Имане, Приморского края, по Октябрьской улице, в доме 50; Юрий Иванович — г. Ярославль, Автозаводская, дом 67-а, квартира 7; Эмма Ивановна, по мужу Воронина, — Крым, Азовский район, совхоз «Молодая гвардия».

Сообщили им о судьбе матери. Но дети, как сговорились, и после этого помощи не оказывают.

Тогда мы обратились в нарсуд 1-го участка Наримановского района г. Баку с просьбой помочь женщине получить алименты от детей, как положено по закону. Но время идет, а суд до сих пор ничего не решил.

Нам всегда до боли жалко Веру Максимовну, когда она подходит к окну, спрашивает, нет ли весточки от детей. А писем нет...

Видно, забыли они о матери, забыли, как она кормила их, одевала, обувала, воспитывала.

Мы просим вас напечатать это письмо, пусть люди читают и знают о таких «детях».

Старшая телефонистка

Г. Аюмова

г. Баку.

ИХ НЕ ОСТАНОВИТЬ!

Ольга ЧЕЧЕТКИНА

Три дня в Вашингтоне шло позорное судилище.

Официально это называется «вызов в комиссию конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности». Это не суд, а «только вызов», там не судят, а «просто допрашивают». Там не зачитывают обвинительного акта, а просто ждут, что человек донесет на своих товарищей, ждут, что он признается в «антиамериканской деятельности», ждут «раскаиваний».

Комиссия конгресса на этот раз была использована для судилища над группой женщин — руководительниц движения «Женщины, боритесь за мир».

В зале, где шел допрос, собралось несколько сотен американцев. Здесь были матери с детьми на руках, мужчины, в памяти которых сохранились тяжелые дни войны, были молодые парни, которые могут стать первыми жертвами новой войны. В этом зале не разрешается выражать свои чувства, но всякий раз, когда к столу для допроса вызывали женщин, к ним подходил кто-нибудь из зала и подносил цветы. В этом зале строго запрещено аплодировать, но всякий раз, когда женщины давали отпор членам комиссии — а это делала каждая из них! — в зале раздавался гром аплодисментов. Там допрашивали только руководительниц, но за ними стояли тысячи членов этого движения и тысячи американских сторонников мира из других организаций.

Допрос вел член конгресса демократ Клайд Дойл. Руководительницы движения «Женщины, боритесь за мир» должны были ответить мистеру Дойлу, а не «просочились ли» в это движение коммунисты. Как будто борьба за мир — это членство в каком-нибудь гольф-клубе. Возникает вопрос: а не задумывался ли господин Дойл над тем, как «просочились» коммунисты вместе с католиками и протестантами в движение Сопротивления в Европе во время войны? И не собирается ли комиссия конгресса США вызвать для допроса американских кардиналов — ведь сам папа римский Иоанн XXIII совсем недавно призвал к сотрудничеству за мир со всеми странами и народами, к запрещению атомного оружия?.. В самом деле, не «просочились ли» коммунисты в Ватикан?

Те же женщины, которых допрашивали в комиссии, без колебаний и твердо заявляли, что они — за мир.

Мне приходилось встречаться с некоторыми из участниц этого движения. В апреле 1962 года в Женеву прилетели пятьдесят американок. Они привезли петицию, под которой стояли подписи пятидесяти тысяч американских женщин из разных штатов страны. Женщины требовали немедленно прекратить все ядерные испытания.

На другой день эти пятьдесят американок и еще пятьдесят женщин из

других стран пришли во Дворец наций, где заседает Комитет 18-ти. Они прошли туда через весь город, и во главе их шла женщина-квакер из Соединенных Штатов. Более часа женщины в полном молчании сидели в зале Дворца наций, а потом к ним вышли оба сопредседателя комитета — В. Зорин и А. Дин. Тогда вперед вышла невысокая, изящная американка Дагмар Уилсон и рассказала, что женщины США готовы сделать все возможное для сохранения мира и настаивают на немедленном прекращении ядерных испытаний обеими сторонами.

Разве в этом есть что-нибудь «антиамериканское»? Разве под этой петицией женщины не поставили бы свою подпись миллионы других американцев?

Теперь Дагмар Уилсон, организатора движения «Женщины, боритесь за мир», вызвали на допрос в комиссию конгресса.

В сентябре этого года в Монреале проходила Международная конференция женщин. Там были и американки. Шестьсот женщин — люди самых разных взглядов и верований — приняли единодушно решение: поддержать намерение Организации Объединенных Наций провести Год международного сотрудничества в интересах всеобщего мира.

Разве в этом решении, под которым поставили свою подпись члены «Женщины, боритесь за мир», есть что-нибудь «антиамериканское»?

А вот передо мной последний номер бюллетеня, который издает это движение, с репортажем о работе местных групп.

Чикаго. В разгар событий в Карибском море, 27 октября, около тысячи человек прошли по Стейт-стрит и Мичиган-авеню с плакатами: «Никаких ракетных баз на Востоке, ни Запада». Другая демонстрация была проведена с требованием к президенту Кеннеди провести переговоры с русскими и договориться о прекращении ядерных испытаний.

Массачусетс. Одна из руководительниц движения, Элизабет Бордман, отправив 24 октября телеграмму Комитету советских женщин с призывом объединить усилия в предотвращении опасности войны. В ответной телеграмме из Москвы говорилось: «Разделяем вашу тревогу в этой опасной обстановке, убеждены, что наше правительство сделает все возможное для предотвращения войны. Готовы вместе с вами сотрудничать для мирного разрешения конфликта».

Пенсильвания. «Первое, чему мы научились на кубинских событиях, — это то, что мы должны приложить свои самые большие усилия, чтобы добиваться разоружения. И так как к этому надо привлечь весь народ, мы пойдём повсюду — в церкви, синагоги. Мы призовем выступать за мир

священнослужителей и учителей, всех, кому дорог мир».

Разве в этой борьбе женщин за мир что-нибудь противоречит интересам американского народа?

...Одну за другой женщин вызывали к столу для допроса комиссии.

Вот Бленч Познер, домашняя хозяйка из Нью-Йорка.

«Я не понимаю, почему меня здесь допрашивают, — заявила возмущенно Бленч Познер. — Движение «Женщины, боритесь за мир» стихийно возникло как движение американских женщин-матерей, которые кровно заинтересованы в мире и хотят своими действиями сохранить мир от разрушения».

Все присутствующие бурно аплодируют этому заявлению. Председатель взбешен. Он долго стучит молотком, требует прекратить аплодисменты, угрожает вывести всех из зала.

Вот мать двоих детей Айрис Фид. Она так же решительно протестует, как и Бленч Познер, и ей так же горячо аплодирует зал.

Элизабет Мус, женщина преклонного возраста, была вызвана из Чикаго. Из города, в котором ровно двадцать лет назад группа ученых впервые использовала цепную реакцию расщепления атома для получения атомной энергии. Но этот «прометеев огонь» они вложили в первую атомную бомбу, и по приказу президента Трумэна бомба была сброшена на Хиросиму.

Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, стали позором Америки. Борьба за мир, которую ведут Элизабет Мус, Дагмар Уилсон, Айрис Фид, тысячи других американских женщин, — это слава и честь подлинной Америки.

У стола допроса — организатор движения Дагмар Уилсон.

— Собираетесь ли вы, — спрашивает ее следователь, — убрать из ваших рядов коммунистов?

— Конечно, нет, — ответила Дагмар Уилсон. — Мы принимаем в наши ряды всех и будем рады, если в борьбу за мир включится весь мир.

По окончании заседания комиссии все присутствующие в зале женщины построились в колонну и пошли к Белому дому, пошли с плакатами, призывающими закончить с гонкой вооружения, прекратить испытания ядерного оружия и решать все спорные международные вопросы путем переговоров.

Судилище над женщинами в Вашингтоне — это откровенная попытка запугать сторонниц мира и заставить их отказаться от борьбы. Но в то же время это означает признание той силы, которую представляют женщины в борьбе за мир. Это — проявление страха перед ростом движения «Женщины, боритесь за мир».

Борьба за мир требует большого мужества и воли. И те, кто пытался запугать американских патриотов, добились лишь одного: судилище в Вашингтоне укрепило веру женщин в свои силы, подняло мужество борцов за мир. Несомненно, теперь о движении женщин за мир узнают и присоединятся к нему новые тысячи американцев.

...И ПУТЕШЕСТВИЕ В ОПОЧКУ

Всю дорогу, и в купе вагона и в трясом, ошившем за ночь автобусе, у меня из головы не шли пушкинские строчки:

...И путешествие в Опочку,
И фортепиано вечерном...

Какая она теперь, эта Опочка?

Первое знакомство

Пожалуй, самое красивое место в городе — остров, или вал, как его принято называть здесь. Это островной городской сад. Внизу кинотеатр, танцевальная веранда, аккуратные дорожки, клумбы, даже тир... А подынешься наверх — и дух захватывает от открывающейся вдруг глазам шири. Шири темных лесных далей, шири неторопливой, задумчивой реки, которая, словно серая атласная лента, опоясывает город.

Здесь, наверху, есть летняя эстрада. Она построена в котловане, и к ней сверху по зеленому отлогому склону сбегает скамьи. Их много, и от этого театр под открытым небом производит очень внушительное впечатление. Скамейки время от времени подновлялись, подстраивались, но даже те, что стоят в стороне от эстрады, расположены так, что, сидя на них, можно при желании увидеть все происходящее на сцене. Невольно приходит в голову, что скамьи ставили люди, не совсем безразличные к искусству.

С берега реки Великой хорошо видны и улицы города со старыми и новыми домами, видно и розоватого цвета здание с монументальными колоннами — Дом культуры, где помещается единственный в городе театр — Опочечкий народный.

Но город — это ведь не просто дома, улицы, магазины. Это прежде всего люди, с которыми тебе хорошо или плохо, которых ты любишь или не любишь, которые тебя привлекают или отталкивают.

Я думаю об этом, отыскивая Гусаковскую улицу, где в доме № 7 живет Анна Ильинична Григорьева, женщина, о которой я впервые услышала прошлой весной из Всесоюзном смотре народных театров и из-за которой попала теперь в Опочку.

Вот наконец и нужный мне дом. Старинные деревянные ворота с высоким, слегка замшелым коньком навеса. Поворачиваю тяжелое металлическое кольцо, и калитка отворяется.

Удивленное девичье лицо показывается в окне. Я громко прошу Анну Ильиничну.

— Я Анна Ильинична, — неожиданно раздается высокий голос за моей спиной.

Бледное, удлиненное лицо, обрамленное темным, прикрывающим лоб платком. Женщина, стоящая передо мной, смущенно краснеет оттого, что я застала ее врасплох: в ватнике и сапогах, с руками, измазанными землей (она выкапывала последнюю картошку).

Позже, познакомившись с Анной Ильиничной поближе, я поняла, что главная черта ее характера — сдержанность. Только на сцене разрешает она себе активно проявлять чувства.

— Ох, а мне ж на дежурство скоро! — говорит Анна Ильинична озабоченно. — Ну да ничего, вы все равно в дом приходите. Я сейчас, только закончу на огороде.

Но и в доме я оказываюсь нехстати. Тут полным ходом идет уборка. Две невысокие, тоненькие, очень похожие друг на дружку и одновременно на Анну Ильиничну девушки в подоткнутых выше колен юбчонках скребут и трут до яркой желтизны некрашенные деревянные полы. У обеих головы повязаны косыночками, сквозь которые проступают твердые контуры бигуди. Третья — пышноволосая, румяная — сидит на кровати с малышом на коленях и вместе с ним листает страницы книжки.

Сестры — старшая назвалась Людмилой, младшая — Светланой — бросили веники и повели меня в комнаты. Дом старинный, построен еще родителями Анны Ильиничны — с маленькими окнами, невысокими потолками, жарко на-

Пока Светлана ищет поэму, мы с Людмилой возвращаемся на кухню.

— Я же вас не познакомила, — спохватывается Люда, указывая на молодую пышноволосую женщину. — Это наша третья сестра, Галина. Она педагог. — Люда взяла на руки мальчика. — А это ее сынишка. Его Вовиком зовут.

Через некоторое время я уже знала, что у Анны Ильиничны шестеро детей — три дочери и три сына. Только сыновья живут не дома. Вячеслав, инженер железнодорожного транспорта, поселился в Туапсе; Олег, окончив Ленинградский строительный техникум, так и остался в Ленинграде; Эрик — в армии. А дочери дома, при матери, и так же, как она, преданно любят театр.

Людмила, медсестра по профессии, недавно прекрасно сыграла Машеньку в одноименной пьесе Афиногенова. А в спектакле «Двадцать свадеб в один год», также поставленном Опочечким народным театром, участвовали сразу три Григорьевы: Анна Ильинична, Люда и Галия. Светлана тоже не отстает, она отлично поет и танцует. Не случайно она чуть ли не самый активный организатор массовой работы в Доме культуры.

А. Н. Григорьева (слева) с дочерьми.

топленными печами. Комнат три, не считая кухни. В одной меня привлекло множество книг, сваленных прямо на столе. Здесь и А. Н. Островский, и пьесы советских драматургов, и классика, и современная русская и переводная литература.

— Мама ужас как любит читать, да и мы тоже, — застенчиво улыбнувшись, говорит Светлана.

Как бы в подтверждение этих слов в дверях показывается соседка.

— Девочки, выручайте! — говорит она с порога. — Позарез нужна поэма Маргариты Алигер «Зоя». У вас должна быть...

— А вы никогда не мечтали стать профессиональными актрисами? — спрашиваю я сестер.

— Нет, что вы! — серьезно отвечает Людмила. — Мы ж очень любим свою работу. Театр мы тоже, конечно, любим не меньше, но ведь он все равно при нас. Возьмите хотя бы маму. Она как многодетная могла бы уж на пенсию уйти. И для театра больше бы времени осталось. А она...

— Да, — вступает в разговор неслышно вошедшая Анна Ильинична, — все вот никак не решусь. Уж очень к больнице привыкла, к людям...

Призвание

Второе хирургическое отделение больницы. Здесь все белоснежно до голубизны: и стены, и плафоны под потолком, и мебель, и бинты, и халаты. Больные попадают разные. Терпеливые и беспокойные, веселые и вовсе не воспринимавшие шутки. Но к ним, ко всем без исключения, одинаково заботлива и добра санитарка Григорьева. Выписываясь из больницы, люди надолго сохраняют воспоминание о ее сильных, нежных и умелых руках.

И все-таки не будь театра, жизнь Анны Ильиничны была бы намного беднее. Он был для нее работой и отдыхом, счастьем и бедой. Он был для нее, женщины с четырехклассным образованием, и школой и университетом.

Она полюбила театр с детства, случайно посмотрев один из спектаклей гастролировавшего в то время в Опочке Псковского драматического театра. А через несколько дней, собрав подружек, уже разучивала с ними то, что сберегла из увиденного детская память.

Потом был кружок самодеятельности и первая, самая первая на настоящей сцене роль. Анна Ильинична помнит и имя своей первой героини: Люба Ганина. А вот название пьесы забыла.

Вскоре она с блеском сыграла беспризорную девчонку в спектакле «Недомерок».

Этот спектакль остался в памяти Анны Ильиничны на всю жизнь еще и потому, что, когда задернулся занавес, к ней за кулисы зашли ленинградские комсомольцы, оказавшиеся свидетелями ее сценического успеха. Они горячо уговаривали девушку бросить мастерскую, где она тогда работала вышивальщицей, покинуть Опочку, родной дом и немедленно ехать с ними в Ленинградский ТРАМ (Театр рабочей молодежи).

Анна Ильинична отказалась. И, кажется, никогда не жалела об этом. Может быть, потому, что с тех пор ни разу, как бы ни складывалась жизнь, не расставалась с театром.

— В характере Анны Ильиничны да и многих наших актеров я усматриваю одну общую черту, приближающую их к людям будущего общества,— сказал мне режиссер Опочецкого народного театра Иван Терентьевич Петров.— Хотите, чтобы я назвал ее? Извольте: совмещение общественно полезного труда с бескорыстным служением искусству. Я много об этом думал,— продолжал Иван Терентьевич.— Действительно, скольким одаренным людям народные театры да и кружки самодеятельности, литературные объединения помогли утолить тяготение к искусству, а некоторым и найти свое второе призвание! Именно так, по-моему, случилось и с Анной Ильиничной, и с Екатериной Васильевной Кадетовой (она тоже одна из старейших актрис самодеятельности, по профессии бухгалтер, сейчас, правда, на пенсии), и с адвокатом Леонидом Исифовичем Капулом, и с педагогом Лидией Павловной Петровой, и с библиотекарем Людмилой Дмитриевной Клещевой, и с работником райфо Полиной Ивановой Ледз, и с председателем бюро театра Митрофаном Петровичем Щукиным, работником милиции. Попробуйте отнять у них спектакли, репетиции, гастрольные поездки! Да они про-

сто почувствуют себя обворованными. Хотя театр—это совсем нелегко и, главное, уйма времени.

Рассказывая о других, Иван Терентьевич умолчал о себе. Но если уж говорить о времени, отдаваемом театру, то он тратит его больше всех. Сам актер необыкновенно острого и четкого рисунка, наделенный редким даром перевоплощения, сколько энергии и сил он отдает рождению каждого спектакля!

Когда я сказала ему об этом, он рассмеялся, вскочил со стула и торопливо заходил по комнате. Небольшого роста, голубоглазый, порывистый, он не мог усидеть на месте, когда речь заходила о чем-нибудь волнующем. И репетиции он ведет обычно стоя, все время готовый прийти на помощь актеру.

— Всю жизнь,— сказал Иван Терентьевич, снова присаживаясь к столу,— передо мной стоял почти неразрешимый вопрос: чему отдать предпочтение—живописи или театру? Долгое время я и шарахался от одного к другому. Образование-то у меня, правда, художественное. А сейчас я счастлив. Занимаюсь и тем и другим. Днем преподаю рисование в техникуме, после уроков иногда пишу декорации, зато вечера без остатка отдаю театру.

Но я, кажется, увлекся,— улыбнулся он,— вас ведь интересует Анна Ильинична. Что можно еще сказать о ней? Работать с ней интересно. Она человек думающий, ищущий. Даже когда у нее крошечная, эпизодическая роль, она аккуратнейшим образом ходит на репетиции. И великолепно действует на других.

И тут мне вспомнился случай, о котором я накануне услышала от директора Дома культуры Владимира Сергеевича Андрианова.

...Народному театру предстояло выехать со спектаклем в Красногородский совхоз. Погода выдалась ужасная: метель, слякоть, мокрый снег. А совхоз в стороне от шоссе, и подвести к нему машину было просто невозможно. Актерам пришлось выйти из автобуса и, взвалив на плечи реквизит, пешком идти к клубу. Кое-кто начал роптать, кто-то даже предложил вернуться обратно. И тут раздался голос Анны Ильиничны:

— Ну полно вам, будто мы и трудностей никогда не переживали!

Недовольные смолкли. Все ведь отлично понимали, что Анна Ильинична утомлена больше других, так как на концерт поехала прямо с дежурства, да и по возрасту не была самой юной.

Надо сказать, что гастролью народного театра в клубах района пользуются огромным успехом. Опочецких артистов всегда ждут с нетерпением. Да что говорить о районе, если в самой Опочке, где нередко гастролируют и псковские и ленинградские театры, больше всего любят спектакли, поставленные своими. Задолго до премьеры «обрывают» телефон в кабинете директора Дома культуры. Звонят из школ, с предприятий, совхозов, интересуются, какую пьесу готовит театр, когда премьеры, кто занят в спектакле.

Да, в Опочке любят свой театр. Ждут его спектаклей, волнуются перед занавесом. Теперь это уже не догадка: скамьи, сбегавшие по отлогому склону к летней эстраде, ставили люди, страстно заинтересованные в том, чтобы сценическая площадка была видна всем.

А. И. Григорьева в роли Настасьи.
«Бронепоезд 1469» Вс. Иванова.

Поиски и находки

Над городом ночь. Один за другим гаснут огни в домах на Гусаковской улице. Только в доме № 7 далеко за полночь светится окно. Это ее окно. Часы, когда весь дом спит, принадлежат ей, только ей.

Сегодня она думает о новой роли—роли Левоники из пьесы белорусского драматурга Макаенка «Левониha на орбите». Справится ли?

Вопрос этот она задавала себе по крайней мере раз сто. Сколько было ролей, столько раз, пожалуй, возникал и этот вопрос. Конечно, еще при чтении пьесы Анна Ильинична чувствовала: роль ее! Но стоит начать работу, и тотчас возникают сомнения. Левониha, к счастью, ее сверстница и современница. И характер у нее не очень покладистый. Это хорошо. Она не то, что мать Балзаминова. Та настолько мягка и покорна судьбе, что первое время просто раздражала Анну Ильиничну. А от роли

домработницы Моти в пьесе «Машенька» и вовсе пришлось отказаться. Так и сказала режиссеру: «Не по моему характеру».

Зато с каким увлечением работала она над ролью Настасьи из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова!

Настасья потеряла детей. Анна Ильинична очень хорошо понимала, что это значит. Перед самой войной, оставив старших девочек, Люду и Галю, на попечение бабушки, она с тремя маленькими сыновьями отправилась в Беломорск навестить мужа, служившего в армии. Там ее и застала война. Опочку захватили гитлеровцы. Три года она не могла найти себе места от горя. Жила как во сне. Работала, заботилась о сыновьях, а сердце все время было в родной Опочке. И как только освободили Псковскую область, тотчас бросилась домой. Со слезами обняла мать, насмотреться не могла на вытянувшихся, похушевавших большеглазых девочек.

После премьеры «Бронепоезда» соседки говорили Анне Ильиничне:

— Ох, как ты сыграла!

И она знала: это правда.

— Только вы не подумайте, — не раз повторяла Анна Ильинична, — что я на сцене играю себя. Меня, наоборот, всегда привлекают женщины, не похожие на меня.

Действительно, одной из самых больших удач актрисы Григорьевой была Фрося из пьесы Ю. Петухова «Двадцать свадеб в один год». Анна Ильинична так задорно и весело сыграла норовистую, упрямую доярку, что новоржевские колхозники, которым опочечки артисты показали премьеру спектакля, долго не отпущали со сцены Анну Ильиничну. «Фросю! Фросю!» — без конца вызывали они.

...Как порой писатель, садясь перед чистым листом бумаги, не знает, что выйдет из-под его пера, как удастся выразить все ощущения, мысли, что противопоставить сомнениям, как наилучшим образом столкнуть характеры, так и актер. Он тоже в вечном поиске. Сначала в поиске внешнего облика своего героя, потом — его внутреннего выражения. И сколько нужно пристального внимания к людям и собственным движениям души, чтобы в каждом отдельном случае найти тот единственный жест, ту единственную интонацию, без которых немислимо рождение образа!

Вот и не спит ночами актриса народного театра Анна Григорьева. То учит роль, а то просто раздумывает над судьбой и поступками женщины, жизнью которой ей предстоит жить довольно долгое время.

Все ли она додумала на этот раз? Будем считать, что все. И пожелаем ей удачи.

Путешествие в Опочку подходит к концу. Я прощаюсь с Анной Ильиничной и ее семьей, с Иваном Терентьевичем Петровым и директором Дома культуры Владимиром Сергеевичем Андриановым. А в памяти снова возникают пушкинские строки. Как изменилась эта маленькая Опочка, где некогда далеким и таинственным вечерком раздавался лишь слабый голос одинокого фортепьяно!

Страница общественницы

Послушать устный журнал пришли все работники Днепрпетровской биофабрики.

На одной из «страниц» журнала выступает А. Д. Зуева, автор этой статьи. Речь идет о глубоко волнующем: надо помочь подросткам, сбившимся с пути, вернуться к учебе, к труду.

Устный журнал

Вот уже год наш женсовет выпускает ежемесячный устный журнал. Участники устного выпуска выезжают в клубы предприятий и домоуправлений района, выбирают для своих выступлений самые злободневные, волнующие женщины темы. А главное, на этом деле не кончается: узнав из журнала о том или ином недостатке, слушательницы журнала берутся его исправлять.

Хочется привести один пример. В первом номере журнала председатель горисполкома рассказал о том, что в Октябрьском районе недопустимо медленно строятся детские учреждения, а нужда в них огромная. Сразу же после этого общественность решила взять строительство детских садов и яслей под контроль. Участвовать в этом большом деле вызвались старые коммунистки - пенсионерки тт. Веселовская и Фельдман, председатель женсовета завода шахтной автоматики Е. Неvedaйлова и другие активистки. Теперь они часто бывают на стройках, выясняют, что мешает справиться с заданием в срок, требуют помощи от райкома партии, райисполкома. В районе есть несколько особняков, за-

нятых под жилье. Женсовет решил добиваться, чтобы их освободили для ребятшек, а жильцам предоставили квартиры в домах-новостройках. Теперь три особняка уже заселили веселые и беспокойные маленькие жильцы. На очереди еще несколько особняков — с их хозяевами пока не удалось договориться. Так, директор паровозоремонтного завода Маслак до сих пор живет в особняке, часть которого его бывшие соседи освободили еще летом. Помещение пустует. Маслаку не раз предлагали хорошие квартиры, но он капризничает: то одно не нравится, то другое не подходит.

Мы вернулись к этой теме, рассказали о вновь открывшихся детских учреждениях, похвалили общественность завода шахтной автоматики, а нерадивых, например, руководство трубного института, высмеяли в юмористических стихах.

В одном из выпусков журнала председатель женсовета домоуправления № 2 Ольга Петровна Дядченко рассказала о 20-летнем Владимире Ц., который не желал трудиться, вел паразитический образ жизни, но после серьезного внушения поступил на завод имени Ленина и хорошо там ра-

ботает. Общественность вернула в трудовую семью и Сашу Ф. и Виталия Б. Юноши, еще недавно без цели слонявшиеся по городу, теперь работают и участвуют в вечерней школе.

Интересно выступила в одном из номеров журнала секретарь горкома КПУ В. Ю. Шоханова. Из ее доклада собравшиеся узнали имена лучших женщин города.

Журнал беседует со своими слушательницами и на бытовые темы: знакомит с модами, дает советы по уходу за кожей лица и волосами, показывает всевозможные новинки, облегчающие труд домохозяйки.

Заканчивается журнал обычно веселым самодельным концертном студентов театрального и музыкального училищ, школьников, малышей из детского сада.

В редколлегия входят сотрудница телестудии З. М. Лебедь, преподавательница медицинского института Н. Ф. Серебрицкая, поэтесса А. М. Тумаровская, пенсионерки С. И. Жох и Р. М. Семенова. Вокруг редколлегии собрался деятельный актив.

А. ЗУЕВА,
председатель женсовета
Октябрьского района
г. Днепрпетровск.

М. КАНАЯН. В ОТПУСКЕ.

М. Канаян

Так выглядит производственный зал фабрики.

ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ

Художники Юлия Мустерман и Людмила Кулиева создают новые рисунки для тканей.

В лаборатории ткань испытывают на прочность.

Опытно-показательную фабрику посетил Н. С. Хрущев. На снимке: Никита Сергеевич беседует со смазчицей станков Анной Федоровной Головой.

Фото Н. Маторина.

ЗАВТРА

галерея пересекает все здание. Через ее стеклянную стену виден производственный зал. Отсюда срывается непривычная картина: сверху, за стеклом внизу, не цех, а огромный выставочный павильон. Бордовый пол, ряды зеленых ткацких стан-

ков, спаренных с жаккардовыми машинами, предохранительные коробки которых раскрашены в разные цвета.

И все-таки это не выставка, а ткацкое производство, но необычное, как бы шагнувшее к нам из завтрашнего дня.

(Окончание на стр. 17.)

В минуты отдыха.

Молодая ткачиха Евгения Набагчинова.

И. ШЕВАНДРОНОВА. С ЛЕГКИМ ПАРОМ.

Наши читательницы уже знакомы с творчеством советской художницы И. В. Шевандроновой. Репродукции ее картин «В сельской библиотеке», «На репетиции», «Выставка скоро откроется» публиковались на страницах «Работницы».

С особой теплотой рисует Шевандронова деревенских детей. Ирина Васильевна Шевандронова подолгу живет в деревне, принимая самое живое участие в местных делах. Она помогает выдавать книги в сельской библиотеке, занимается детской самодеятельностью, учит ребят любить и понимать искусство. Шевандронова призналась, что дети с их пылкостью и душевной чистотой, застенчивостью и доверчивостью особенно любимы ею. В мастерской художницы много портретов, этюдов и зарисовок ее маленьких знакомых. Может быть, некото-

рые из них окажутся прототипами героев новых картин.

Здесь вы видите новую картину Шевандроновой «С легким паром».

Зима. Солнце. Кажется, слышно, как хрустит ослепительно сверкающий снег. Ощущение бодрости, радости рождает сам пейзаж. Окраина небольшой деревни, уютные, занесенные снегом домины, а дальше, за околицу, уходит к горизонту просторный, широкий мир. Тонов фон картины. На переднем плане розовая, довольная молодка с маленьким очень серьезным мальчуганом. Оба они — мать и сын — воплощение здоровья, бодрости и жизнерадостности. В этой картине Шевандроновой удалось передать прелесть русской природы, русской зимы в образах конкретных, простых и трогательно достоверных.

М. КЛИМОВА

А каким должно быть предприятие коммунистического будущего? В нем все будет сделано так, чтобы труд человека стал и легким и, самое главное, радостным, праздничным. Именно такое предприятие и решили создать проектировщики.

Вот она перед нами — опытно-показательная фабрика шелкового комбината имени Свердлова. Это здание выросло на окраине Москвы, в Черемушках. Невысокое, с глухими стенами, оно кажется не очень приметным. Но входяшь через широкие двери внутрь корпуса и попадаешь в удивительный мир.

Здание собрано из железобетонных панелей, его перекрытия опираются на легкие колонны. Если через год или два потребуются расширить производственный зал, поставят еще несколько колонн и смонтируют панели.

Таковое производство капризно, требует специального климата, постоянной температуры и определенной влажности воздуха, ровного освещения. Трудно всего этого достичь, когда дует из окон и фонарей в потолке, когда дневной свет смешивается с электрическим. На новой фабрике нет ни окон, ни фонарей в потолке. За стеклянной переборкой гудят мощные кондиционные установки — «легкие» фабрики. За час они подают в здание миллион кубических метров воздуха. Каждые пять минут воздух полностью обновляется в производственном зале. Так в цехе поддерживается температура 22 градуса и относительная влажность 65 процентов. Лучшего для ткацкого производства и желать нельзя. Летом, чтобы здание меньше нагревалось, его плоская крыша заполняется водой. В этой ванне и «тонут» солнечные лучи.

Полы покрыты пластмассовой пленкой. Ее разбрызгали прямо из пульверизаторов. В каждом отделении эта пленка другого цвета. Она, как блестящий лед, залила пол без единой щелочки. Представляете, как просто его подметать! Станки укреплены на фундаменте не болтами, а синтетическим клеем.

Ткачиха имеет дело с тончайшими нитями. Как тут обойдешься без яркого света? Но ведь в течение дня естественное освещение сильно меняется. Здесь же с потолка льется и льется всегда один и тот же не утомляющий глаз свет

искусственного «солнца» — тысяч люминесцентных ламп.

Автоматика. На фабрике она и хозяйка «погоды», и художник, и грузчик, и ткач. Всего один человек следит за пультом управления кондиционированием. Приборы заметят малейшее отклонение в температуре и влажности воздуха, приборы изменят режим работы кондиционеров.

А вот другой пульт, у картонасекальной машины. Молоденькая работница, словно играя на органе, нажимает клавиши и ножные педали. Чуть слышно жужжит электронное устройство. На широкой, кажушейся бесконечной бумажной ленте появляются ряды отверстий — программа для станка. Заложат в него такую перфоленту — и на ткани возникнет рисунок, созданный в художественной мастерской.

Сейчас монтируется оригинальная система доставки пряжи к станкам. И выглядеть эта операция будет так...

Бежит с ткацкого станка река ткани. Но вот на исходе пряжа. Ткачиха подает сигнал. На пульте оператора вспыхивает огонек — сразу видно, куда подать пряжу. Оператор нажимает кнопку. И тут же на монорельсе, подвешенном в проходе между станками, показывается серебристая «ракета» с прикрепленными ящиками, в которых сложены шпули. Автопогрузчик сам разыщет агрегат, откуда поступил сигнал. Через минуту работница получит пряжу для заправки станка.

Я иду по цеху. У станков хлопочут ткачихи. Молодые и пожилые. Вот останавливается у агрегата Мария Иосифовна Глушкова. Десять лет она работала на столичном шелковом комбинате «Красная Роза». Работала хорошо. Но, откровенно говоря, утомляли ночные смены. А теперь...

На этой, новой фабрике — двухсменный график. И вообще работается куда легче.

Как и многие другие работницы, Мария Иосифовна живет недалеко от фабрики в новом доме. Семья из трех человек получила отдельную квартиру.

— Про нас, про фабрику, — говорит Мария Иосифовна, — уже немало писали в газетах. А вот об одном почему-то забыли. Посмотрите наши раздевалки, душевые. Как они сделаны!

У пульта управления кондиционированием.

Светло и просторно в фабричном вестибюле.

Фото Н. Маторина.

И я понимаю Марию Иосифовну. Что греха таить, производственный быт далеко не на всех наших предприятиях налажен. Создавая новую фабрику, проектировщики подумали о том, чтобы и в час отдыха и за обедом работнице было хорошо, уютно, удобно.

Заботой о человеке здесь пропитано все: и оригинальность конструкции душевых, умывальников, и стерильная чистота комнаты женской гигиены, и подбор красок для стен, и пластмассовое покрытие полов в коридорах и вестибюлях. Есть на фабрике просторная художественная мастерская, лаборатория, демонстрационный зал.

Фабрика в Черемушках — предприятие молодое. На полную мощность оно стало работать перед ноябрьским Пленумом ЦК КПСС. Ученые, проектировщики многое здесь проверят, улучшат, изменят. И вслед за этой фабрикой появятся десятки, сотни таких же прекрасных дворцов труда, и не только в Москве, но и во многих других городах страны. В них будут работать прядильщицы и токари, сборщики радиоприемников и швеи — миллионы советских людей.

М. НАТАЛЬИН

ОНА ИДЕТ К ЛЮДЯМ

В последнее время что-то происходит с ее станками. Их лихорадит. То и дело случаются разладки, особенно в начале работы. Видимо, помощник мастера предыдущей смены Иван Старшинов не больно-то заботится, чтобы сдать станочки в порядке. Лишь бы свою смену дотянуть, а там хоть трава не расти!

Евдокия Борисовна Сапунова уже раз-другой подходила к нему, говорила, что негоже так поступать. А он не принимал в расчет ее слова. Дескать, моя смена кончилась, теперь к своему поммастера обращайтесь.

И верно. Можно и так. Но ее заботит другое. Ее волнует: откуда у такого молодого и, главное, умелого работника подобная психология — «моя смена кончилась»?

Тридцать два года проработала на калининской ткацкой фабрике «Пролетарка» Евдокия Борисовна, а ни разу не было у нее такого, совсем непонятного ей ощущения, что «кончилась ее смена». И сейчас, когда она задолго до начала работы входит в свой цех, немолчный ровный гул и привычный вид бесконечных рядов станков вновь волнуют ее до глубины души.

И ей хочется вложить в сердце Старшинова чувство уважения к тому, что безостановочно вершится здесь, хочется, чтобы он понял, как портит всю картину хоть один — даже один! — разладившийся станок. Но она не находит нужных слов и просто журит его за нерадивость. Старшинов, усмехаясь и отругиваясь, надевает пальто и уходит. Тогда Евдокия Борисовна идет к начальнику цеха. Маленькая, расстроенная, стоит она перед ним, смуглое лицо ее бледнеет от негодования, черные глаза словно прожигают собеседника насквозь.

— Верните его! — говорит она. — Его надо вернуть!

Старшинова возражают. Он снимает пальто и, ворча, налаживает станки. Евдокии Борисовне уже жалко его, но она сдерживает себя и думает: «Ничего. Так надо. Потерпит сегодня. И, может быть, поймет».

И Старшинов понял все, как надо. С некоторых пор Евдокия Борисовна не может пожаловаться на него. Станки сдаются в порядке. А самое главное — он не хранит на нее зла, и это для Евдокии Борисовны самое дорогое: понял!

Примеров того, как Сапунова, болея за производство, добивалась, чтобы дело пошло хорошо, можно привести множество. И всякий раз эта ее борьба выходила за рамки частного случая и превращалась в борьбу за души людские, за правильное понимание своего долга, своей чести, своего жизненного назначения, наконец.

В ткацкие цехи из прядильного стал поступать брак — неровная пряжа. Брак этот обнаружить нелегко, подчас он оказывался где-то в середине шпули, и лишь когда на ткацком станке выработывалась уже готовая продукция, недоброкачественная пряжа давала о себе знать безобразными утолщениями на ткани.

Сапунова собрала несколько ткачих, и отправились они к прядильщицам с бракованным полотном: полюбуйте, мол, голубушки. Сами, небось, такой ткани не купили бы, кого же

Евдокия Борисовна Сапунова.

Фото Н. Комарова.

надуть собираетесь?.. Краснели работницы прядильного цеха. Бурное было собрание. Ну и, конечно, прекратилась подача бракованных шпуль. Совсем, начисто прекратилась. Как отрезало!

У Евдокии Борисовны было очень много учениц. Столько, что она им и счет потеряла. И всякий раз она их учила не только тому, как вязать узелки, как ухаживать за челноком. Она учила их главному — тому, как честно относиться к труду, прививала им свойственную ей самой полную и радостную самоотдачу. Ведь именно такая самоотдача непременно оборачивается наплывом душевных богатств, о которых и помышлять не может себялюбец и лодырь.

Сейчас Сапунова обучает четырех молодых ткачих с первого участка. И верю, они будут такими же умелыми, как, например, Рая Козырева, которая пришла к Евдокии Борисовне из полуголодной послевоенной деревни робкой неумехой, а теперь ударник коммунистического труда. Или как Мария Захарова. Недаром ее избрали депутатом Верховного Совета СССР. Евдокия Борисовна помнит то время, когда Машенька была ее ученицей и даже дома вязала ткацкие узелки; накупит катушек — и вяжет и вяжет!..

Теперь о Марии Дорощевне Захаровой говорят: «Золотые руки». Теперь у нее самой есть ученицы.

Доброе дело, доброе слово не пропадают зря.

Много, много доброго сделала людям Евдокия Борисовна. Отзывчивость ее к людским бедам и горестям такова, что об этом даже легенды ходят. Была она депутатом Верховного Совета СССР пятого созыва. Депутатские полномочия сложены еще в марте 1962 года, а все обращаются к ней люди прямо на работе или даже на улице. Она слуга народа не по обязанности, а по призванию. И это чувствуют, не могут не чувствовать люди.

С какими только просьбами не обращались к ней, каких только историй она не заслушалась! И так как сама Евдокия Борисовна — человек из гущи народной, много видевший и переживший, то и понимает она каждого, умеет докопаться до самой сути дела и протянуть руку...

Самая первая просьба, с которой обратились к ней как к депутату, была такая:

— Помоги общежитие отремонтировать. Никак не добьемся. А ты теперь старше всех, иди прямым ходом к заместителю директора комбината по быту и стучи кулаком по столу! Отправилась Евдокия Борисовна в свой первый депутатский поход, а у самой душа не на месте: как это на ответственного человека кулаком стучать? Негоже, поди.

Стучать по столу так и не решилась, но срывающимся от волнения голосом, и потому особенно звонким и решительным, заявила, что требует отремонтировать рабочее общежитие.

Изнасиженный гонор, видимо, почудился в ее тоне начальнику, потому что он сразу ударился в амбицию:

— Нет и нет! И не проси. Средств не хватает. Вон механический завод тоже не больно-то раскошеляется на ремонт.

Несолоно хлебавши ушла от него тогда Евдокия Борисовна. Ушла недовольная главным образом собой. «Не так, не то говорила. Нехорошо».

И на другой день вернулась к начальнику снова. Уже совсем иначе, в другом, спокойном тоне, полном внутреннего убеждения, сказала:

— А правильно ли ссылаться на тех, кто плохо делает? Зачем же нам на плохое оглядываться? Давайте подумаем, поищем средства, сделаем ремонт, и пусть тогда лучше механический завод оглядывается на нас.

Ремонт, конечно, сделали. И средства нашлись. И стали они друзьями с тем начальником. И еще много-много раз он помогал ей.

Однажды депутату Сапуновой написали письмо:

«Товарищ Евдокия Борисовна! Что же это такое? Живем мы на окраине города, у самой Волги, рядом с Серебряковской пристанью, и лес близко. Темно на нашей улице, фонарей нет. Детишки даже боятся вечером со второй смены из школы идти. Нельзя же так — помогите!»

Можно бы, конечно, просто написать в горкомхоз: установите, мол, на такой-то улице фонари, — да и дело с концом. И переложить письмо из папки «К рассмотрению» в папку «Приняты меры». Но Евдокия Борисовна не может так поступить, на нее это непохоже. Поздно вечером она выходит из дому и идет на окраину города разыскивать темную улицу, по которой боятся ходить дети. Мокро, скользко, падает дождь... Улица действительно темна. Под откосом глухо плещется невидимая, черная Волга... Лишь свет из окон кое-где пробивает тьму, выхватывает из нее рябь на луже или кирпичик, брошенный посреди дороги для удобства пешехода...

«Да, так нельзя», — вздохнула Евдокия Борисовна и наутро отправилась в горкомхоз.

— Знаем, — ответили ей. — Все знаем. Но берег оплывает, и трудно там сейчас поставить фонари...

— А может, прожекторы им на крыши... пока берег не укрепили? — робко спросила Сапунова.

— Прожекторы? — сначала удивились в горкомхозе. — Что ж, попробуем...

А когда Евдокия Борисовна через месяц-другой заглянула вечером на ту же улицу, там былолюдно и как-то очень мирно и славно, потому что почти у каждой калитки сидели на лавочке старики, потому что бегали дети и где-то в глубине улицы, под деревом, в голубом луче, танцевала под баян молодежь.

А вот еще история. Ученица Евдокии Борисовны ткачиха Леля Алексеева дружила с молодым человеком. Он нравился ей, очень нравился. Но в городе она была одна, родители остались далеко в деревне, посоветоваться не с кем, и она боялась своей неопытности, своей доверчивости... К кому обратиться с таким тонким делом? Вдруг своим вмешательством, грубым, неуместным словом, плоской шуткой тот человек все испортит, испакостит, порвет светлую нить душевности, что протянулась между ней и ее избранником! Но и на свой страх и риск действовать вроде опасно...

Леля пришла к Евдокии Борисовне.

— Помогите разобраться... Посмотрите на него, ладно?

— Ну, что ж, — серьезно сказала Сапунова, — приходите в гости. Чью попьем, поговорим. Плохого-то человека видать все же.

Пришли молодые люди, просидели допоздна. Парень понравился Евдокии Борисовне своей вдумчивостью, самостоятельностью. Леля вышла замуж. У нее уже есть малыш. И радостно Евдокии Борисовне видеть, как молодой муж провожает Лелю на работу или ждет ее у ограды фабрики со смены... Счастливая пара!

* * *

В самом начале тридцатых годов Евдокия Борисовна пришла на «Пролетарку» вместе со своей матерью, старой ткачихой, которая собралась уходить на пенсию и решила передать молодой еще тогда Дусе свои станки. Дуса страшилась. Она помнила своего отца, пострадавшего на производстве (свалилась какая-то деталь и сломала ему плечо и ключицу), помнила, как его выбросил фабрикант Морозов прямо на улицу, и как он ходил собирать милостыню, вода с собой за руку пятилетнюю дочь... Правда, мать Аграфена Васильевна уже рассказывала дочери другое — про женделегатов, ударничество, про бурный гомон цеховых собраний, обещала научить всему, уговаривала не робеть, и все же Дуса с тревогой переступала порог «Пролетарки»...

А потом она обвыкла, полюбила свою работу, и свои станки, и своих товарок, и когда в 1935 году увидела на экране передовую ткачиху страны многостаночницу Евдокию Виноградову, как та идет вдоль станков, молодая, задорная, ладная, в черном сарафане, белой кофточке и шелковых чулочках «для красы» на ногах, загорелась ее душа, и тоже перешла она с обслуживания восьми станков сразу на сорок восемь. И хотя писали ей в подметных письмах: «Глаза ошпарим», — она уже прочно стояла на своей дороге и ни разу в жизни ни на день, ни на час не сходила с нее. Муж Евдокии Борисовны, тоже потомственный текстильщик, ушел добровольцем в ополчение и погиб. Пятилетнего сына Юру во время двухмесячной оккупации города Калинина эсэсовец ударил по лицу плеткой с металлическим наконечником так, что выдрал кусок мяса из щеки. И после прихода наших еще долго было трудно и голодно. Но она шла своей прямой дорогой честного человека, великого труженика, советского, коммунистического по самой сути своей.

И потому так просто, так естественно поступалась к ней в дверь слава. Евдокия Борисовна не звала ее. Но слава явилась в облике народного уважения и признания, и не знающая фальши и лицемерия Евдокия Борисовна Сапунова приняла ее с достоинством. Она поняла эту славу так, как нужно. Как еще многим людям предстоит научиться ее понимать.

* * *

Есть еще, увы, и у нас люди, которые живут без всякой душевной отдачи обществу. Пришлось мне встретить однажды такого на каховской стройке. Там, где, казалось бы, не было вокруг равнодушных. А этот человек знал только один «закон»: побольше урвать, отхватить, заграбастать себе. И ведь не верил, искренне не верил в то, что живут рядом с ним люди совсем иной породы, самоотверженные, прекрасные, чистые, находящие великую радость в том, чтобы тратить себя — свое время, свое сердце — на других. Несчастный, бедный духом, он принимал всех вокруг за ловких пройдох, и естественное их поведение казалось ему лишь ловкой игрой «на повышение». Он тяжело завидовал им из своей норы.

А есть люди — таких еще немало, — которые хорошо трудятся и отдают вроде все, что могут. Беда только в том, что могут-то они маловато, потому что сами очертили вокруг себя окружность: одни — радиусом побольше, другие — поменьше, — но окружность, четко отделяющую «свое» от «общего». И как же иногда завидуют они тем, кто может так неоглядно и полно, так радостно тратить себя для других! Они научились уже понимать, что именно на тех, на прекрасных и чистых, держится наша земля! И в этом их понимании — залог того, что и они когда-то заставят себя переступить черту.

Евдокия Борисовна Сапунова награждена орденом Ленина. Эта маленькая женщина, как пушкинская царица, такта «полотна на весь мир». В цифрах это выглядит так: 10 000 000 метров суровой ткани, 100 железнодорожных вагонов, доверху набитых бязью. Сапунова принадлежит к числу советских людей, созданных и выпестованных временем. Она не просто хороший человек и отличная ткачиха, она представитель своего класса и своей страны, человек, живущий для людей, не представляющий себе иной жизни и считающий себя именно поэтому счастливым.

Она всегда идет к людям. К тем, чьими горестями и радостями полна ее душа.

И народ платит ей уважением и любовью. Потому что такое бескорыстие, такое служение вселяет большие надежды. Оно упрочивает веру в людскую справедливость, в красоту жизни, оно, если хотите, подтверждает, что близко уже то общество, о котором мечтали лучшие люди всех времен.

г. Калинин.

А. КОПТЯЕВА

Антонина Дмитриевна Коптяева, автор хорошо известных нашим читателям романов «Товарищ Анна», «Иван Иванович», «Дружба», родилась на Дальнем Востоке, в верховьях Амура, в семье золотоискателя.

Первое произведение Коптяевой — повесть «Колымское золото», изданная «Молодой гвардией», была написана в тридцатых годах под впечатлением поездок по Колыме. Затем она написала роман «Фарт» о новой жизни, которую шахтеры обрели при Советской власти. Роман был напечатан в 1940 году. В том же году Коптяева поступила в Литературный институт при Союзе советских писателей. Учасье в институте, писательница работала над романом «Товарищ Анна».

— В романе «Товарищ Анна», — говорит Антонина Дмитриевна, — я решила показать женщину, которая занята общественно полезным трудом и не боится никаких жизненных испытаний. После того, как я закончила работу над этим романом, мне пришла мысль написать книгу о советском ученом, нейрохирурге, вышедшем из народа и связанном с ним живыми нитями. Роман «Иван Иванович», как известно, вызвал большой интерес у читателей. Сейчас А. Д. Коптяева закончила новый роман, посвященный нефтяникам Татарии, — «Дар земли». Мы предлагаем вниманию читателей отрывок из первой части романа. Действие разворачивается в начале 30-х годов в глухой татарской деревне. Там и знакомимся мы с героями книги Яруллой и Зарифой. Роман будет напечатан в журнале «Фтябрь» в этом году.

ЛЮБОВЬ ЗАРИФЫ

Глава из романа

По старым татарским обычаям видеть невесту до брака жениху не полагается. Но в деревне все жители знают друг друга: дети растут и играют вместе. И как уберечь девушку от глаз парней, если ей самой любопытно взглянуть на своих одноклассников? Отцы строят избы окнами во двор, ставят вокруг заборы, охраняющие быт семьи от чужого любопытного взгляда. Иногда в таком дворе несколько изб, как у Будукшаева, — и в каждой избе жена, а если аллах благословил, то у каждой жены — дети.

Кто победнее, в одной избе держит нескольких жен... Но если ты так беден, что и единственную жену с ребятами держишь впроголодь, а забор перед твоими окнами — одно только звание, или вовсе не огорожено твоё жильё, — тогда на что положиться? Единственная надежда — на скромность дочери-невесты, выглядывающей из-под края платка, точно румяная луна из-за тучки.

Зарифа с детства не отличалась скромностью, а теперь и вовсе не отворачивалась от парней. Не отвернулась она и от Яруллы, когда вскоре после его приезда неожиданно встретилась с ним на улице. Наоборот, сама пошла навстречу, сияя улыбкой. Даже странно, что могут так ярко светиться черные, точно угли, глаза. Девушка бежала куда-то в полушубке, простоволосая, коротко остриженная. И черно-синие волосы ее тоже блестели и светились перед отропешим Яруллой.

— Здравствуй! — кинула она, прямо и смело глядя на возмужавшего парня, и даже руку ему протянула, маленькую, смуглую, теплую.

Ярулла взял эту косо протянутую ручонку, неловко подержал ее в широкой ладони и, спохватываясь, вынул: засмеют в деревне бойкую девушку.

А Зарифа — ей уже исполнилось семнадцать — меньше всего боялась услышать односельчан. Она сама насмешливо и уверенно поглядывала вокруг.

— Вернулся? — спросила она.

— Вот приехал... — ответил Ярулла, багровый от внезапного смущения.

— Зачем приехал?

— Домой, значит.

Пухлые губы Зарифы полуоткрылись в неудержимой улыбке, ослепительно забелели плотные рядочки зубов.

— Хороший разговор! Вот я на каникулы приехала. На десять дней нас отпустили с курсов. На тракториста скоро выучусь. Вот как! Я теперь комсомолка. А ты?

— А я? — Слова застряли в гортани Яруллы.

Чем мог он удивить эту отчаянную девочку? Лицевым счетом на комнату в Казани? Своей работой в кочегарке? Или тем, что собирался по воле родителей жениться на Наджии, которую черт поцеловал?

Невольно он всмотрелся в гладкое лицо Зарифы, розовое, словно лепесток шиповника. Вот она, красота, выставленная напоказ всему белому свету. Глядите. Любуйтесь. Обсуждайте. Трепите длинные свои языки. Боязно иметь такую дочку, а еще боязней — такую жену.

Да ее без всякого повода заключают в башкирской или татарской деревне. А она?

«На тракториста скоро выучусь!» Никто еще в деревне и понятия не имеет о тракторе, а Зарифа сама собирается на трактор сестры.

— Тыфу! Тыфу! — заплочутся старые, почтенные бабки.

Звонко, как сороки над речкой в старых ветлах, застрекочут женщины. С Зарифы же все, словно с гуся вода. Наплевать ей на бабьи пересуды. Она каждому мужчине равная, вот так же смело протянет руку и прямо посмотрит в лицо.

— Уф, алла! — вздохнул Ярулла, сын Низама и по отцу Низамов, а по деревенской кличке — Куянь, серый заяц. Его прозвали так в детстве за быструю походку-припрыжку, за выпуклые черные глаза. Он с облегчением расправил плечи, когда Зарифа Нацибуллова твердыми шажками побежала дальше.

Такая никому дороги не уступит, спуску не даст. И свекровке она не покорится, не сядет бочком к столу, за самоваром, как батрачка. Нет, она даже отцу мужа смело глянет в глаза и заговорит с ним, а не потупится, как должно невестке, не смеющей пикнуть или, спаси аллах, запеть при свекре.

Вот Наджия — скромница. Наджия — работающая и почтительная дочь. Никто не видел, чтобы она побежала по дерев-

не простоволосая, выставив улыбчивое лицо. И вообще должен быть в семье порядок! Хочешь или нет, но если тебя с детства приучили к послушанию и покорности старшим, трудно идти против воли родителей. Так заведено. Будут ведь дети и у самого Яруллы...

Но какая она окажется в семейной жизни, эта Наджия? Перед тем, как шагнуть на порог своей избы, Ярулла еще раз окинул взглядом деревенскую улицу. Избушки со свесившейся из-под снежных ковриг соломой наводили на него тоску.

Вот-то задрожат они, вот-то глянут удивленно подслеповатыми окнами, когда мимо них прогрохочет на тракторе отчаянная девочка Зарифа Нацибуллова! Не зря же приняли ее на курсы...

Ярулла вздохнул, почистил валенки о березовый голик и вошел в избу. Телевизор, жуя у печки, покосился на вошедшего глупым глазом. Пол проскокблен добела, на столе домотканая скатерка. Кухня отделена от крошечной горницы ситцевой занавеской. Тут же лохань для умывания; подбоченился железный кувшин-кумган с длинным носиком. На низких нарах сложены постели, рядом сундук — в нем приданое дочерей укладывается нитка по нитке.

Сестренки все ткут и вяжут сами: покупать товар в лавке не привыкли, да и не по средствам.

* * *

Мать вышла из-за печки веселая, в праздничном платье с высоким воротником и оборкой по подолу. У Яруллы сразу сжалось сердце: сегодня сваты пойдут к Хасановым. А завтра или в любой другой день, как назначат родители Наджии, будет сговор. Мужчины соберутся в избе невесты, и мулла спросит Наджию, согласна ли она выйти за Яруллу, сына Низамова. Но не сама Наджия, которая будет сидеть у печи за занавеской, а кто-нибудь из родных скажет оттуда: «Согласна». Так же спросит мулла двух парней, посланцев жениха, согласен ли Ярулла взять за себя Наджию. И те ответят: «Согласен».

«А если я не согласен? — Что-то вдрут словно переместилось в груди Яруллы, сердце застучало под самым горлом. —

А если не согласен? Есть ведь в Казани курсы трактористов... Разве не может Зарифа учиться там? Мало ли тракторов работает на городских новостройках! Что, если не согласиться с выбором стариков? Почему я должен согласиться? Не старые времена! Настояла же на своем Зарифа, несмотря на то, что ей всего-навсего восемнадцать лет. Вряд ли властная, голосистая мать Зарифы легко отпустила ее на курсы в далекий город! Отец-пьяница, тот, конечно, в стороне: давно отрезал себя от семьи, уехал на золотые прииски. Но мать-то — сила! А деревенские обычаи еще сильнее семьи: законы шарията, власть муллы и стариков... Ох, Зарифа! — Даже жарко стало Ярулле от этих мыслей; уже в самом горле колотится сердце, отдаваясь звоном в ушах, мешая дышать. Вот встанет он сейчас и скажет твердо: «Нет, не могу я жениться по старинке, без любви к будущей жене!»

Но противная нерешительность сковала его по рукам и ногам, язык будто распух и прилип к гортани. Ну, как скажешь такое? И кто знает, не слишком ли бойкой женой будет Зарифа? Не отцовская ли беспутная кровь кружит ей голову? Все насмешки потом обрушатся на Яруллу.

Он смотрел на мать, но не понимал, что она ему говорила. Сознал только, что сегодня, сейчас решается его судьба. Он думал о Зарифе, но сколько было «за», столько же и «против». Конечно, в старину и еще совсем недавно не таким уж сложным делом была для татарина женитьба: по семь и по десять жен имели. Одна не по нраву — другая полюбится. Теперь порядки другие. Ярулла не собирался иметь нескольких жен. Значит, подумать надо хорошенько.

Он сел на край нар, оперся подбородком на ладонь.

— Ты не заболел, сынок? — спросила мать, пылливо посмотрев на его лицо, залитое темным румянцем. — Хочешь, я катыка принесу?

Не дожидаясь ответа, проворно слетала в погребок, постелила на краю нар полотенце, поставила мисочку квашеного молока, тарелку с куском темного хлеба.

Сестры хозяйничали на дворе. Весело звучали их молодые, звонкие голоса. Ярулла не притронулся к еде, вдруг остро позавидовал беззаботности сестренки. Им, конечно, интересно: такое событие в семье, — а ему одно огорчение. Лучше бы и не приезжать домой!

Мать поняла его смятение, подошла поближе, поправила над его лбом прядь жестких волос. Неловкое прикосновение ее руки тронуло Яруллу, глаза его влажно заблестели.

— Наджия — добрая девушка, сынок. И красивая она, ты не беспокойся. Мы с отцом век прожили дружно, а тоже не сами сказали, что согласны пожениться. Другие сказали за нас. О твоей женитьбе отец и я много гадали. Все обсудили, чтобы хорошо получилось. Чтобы хорошо тебе было. А если ты о Зарифе думаешь, то это зря. — Заметив, как вздрогнул Ярулла, мать добавила уже сухо, жестко: — Она на всех парней вешается, всем руку свою сует. Бойка и вертлява не в меру. Вот еще на трактор сядет... Такая хорошему татарину не ко двору.

Две ночи и два дня кружила мете-

лица, замела, забросала, завалила все пути-дороги. Солнце совсем утонуло в облачных перинах, и белая пасмурь неотступно висела над деревней, скрадывая дали. Женщины не успевали выметать снег из сени, мужчины проложили по улице глубокие траншеи.

Но по поводу свадебного поезда никто не волновался в семье Низамовых. После сговора и первой ночевки жениха у невесты свадьба могла игратьсь хоть через неделю, хоть через год. Бывали случаи, когда невеста входила в дом родителей мужа уже с младенцем на руках.

— Подожди, вот я окончу курсы и привезу к тебе твою Наджию на тракторе, — сказала Ярулле на другой день после сговора Зарифа, как бы невзначай встретив его в глубокой канаве-дорожке.

— Я и без тебя привезу, — ответил он, оскорбленный ее насмешкой.

— Правда, чего тебе не терпится? — настаивала Зарифа, забыв о девичьей скромности. Но вдруг притихла, поблела и, все так же прямо глядя в глаза Яруллы, сказала жалобно, с тихим упреком: — Ведь ты даже не знаешь, какая она собой, эта Наджия, правда? Ты же столько лет не был в деревне, а она с детства от всех пряталась. Потому что некрасивая! Потому что бородавка у нее чуть не на носу!

Голос Зарифы зазвенел, но лицо осталось печальным. Погасли задорно-

озорные глаза, жалко изогнулись губы. И такой женственно-нежной сделалась она, что Ярулле захотелось взять ее на руки и унести бог знает куда, в качающийся белый полумрак.

Но он поборол себя и сказал язвительно:

— Какая тебе забота о свадьбах? Ты лучше изучай гайки на тракторе. Помощников у тебя найдется сколько угодно, а женихи будут бояться, чтобы ты сама первая не посваталась.

Тут уж Зарифа стала белее снега. Она приблизилась к Ярулле и сказала низким от волнения голосом:

— Недогадливый ты! И глупый. Если бы я тебя не любила, не заботилась бы.

С тем и убежала. А он остался — в самом деле глупый в эту минуту и словно оглушенный.

— Ну и девка! — промолвил наконец. — Думает, всех умнее она. Посмеяться охота, так пусть в другом месте поищет дурака. «Полюбила!» Когда она успела полюбить меня?

Но вместе с досадой такая нежность и жалость к Зарифе охватили его, такое желание догнать и просить прощения за свою грубость, что даже слезы навернулись на глаза. Обидел... Обидел смелую, гордую девушку, которая бросила вызов старому укладу жизни. Сгорая от стыда, Ярулла рванул за нею, но Зарифа уже исчезла в метельной сумятице.

Рисунок Н. Гордейчина.

КЕНИЯ

БЕССТРАШНАЯ

САРА

Левая сторона лица, пересеченная глубоким шрамом, ныла. Сара знала: это волнение. Приехав из далекой Африки в Советский Союз, Сара неотступно думала сейчас о том, какой же окажется эта белая русская женщина, которая с минуты на минуту зайдет за ней в московскую гостиницу, поведет ее знакомиться с другими русскими. Может быть, она похожа на шотландку, которая дала ей книжку о коммунизме? Или она как большинство белых, которых Сара знала в Кении, на своей родине? Ей говорили, что русские считают африканцев обезьянами, что у русских нет ни семей, ни школ, ни больниц и все здоровые женщины служат в армии. Правда, в последнее время Сара слышит о русских людях много удивительных, хороших, но таких малопонятных вещей.

А вчера, когда советские женщины встречали ее, гостью Москвы, они подарили цветы. Сара разволновалась: еще ни один белый не дарил ей цветов. И все же, ох, как трудно во всем разобраться, все понять, если ты целых восемь лет провела в тюрьмах и концентрационных лагерях, если впервые в жизни приехала в Москву...

Здесь, в Москве, каждый день открывал перед Сарой новый, радостный мир. Больше всего ее поразило, как много прав у русских женщин. От удивления и восторга у нее голова идет кругом! Ведь там, в Кении,

мужчине платят за работу больше женщины только потому, что он мужчина; там могут не принять тебя на работу только потому, что ты замужем, и выгнать с работы, когда у тебя родится ребенок. Сару так выгоняли дважды. Всегда она знала, что свобода прекрасна, но только сейчас сполна ощутила, какое это счастье быть свободной!

...Ее арестовали в 1952 году. Тогда Сара Сарай была молода и красива. Всего две африканки в Кении имели в те годы медицинское образование, и одной из них была Сара. Она была и первой африканкой, которую англичане назначили муниципальным советником Найроби, столицы Кении. У нее был муж, дети, свой дом. Но она не знала покоя, она видела, как трудно, горько живет ее народ. И Сара боролась как могла. Она получила акушерское образование, чтобы помогать беднякам, для которых нет даже больниц. Одной из первых женщин вступила она в Национальный союз африканцев Кении, который борется за освобождение страны от английского владычества. Женщины знали и любили Сару: она никогда не отказывала роженицам в помощи и не брала с них денег. Сара умела сердечно и просто говорить с людьми. Вместе с Ребеккой Нджерри, тоже борцом за свободу, Сара помогла создать женскую лигу Союза африканцев Кении.

Но власти забали трево-

гу. Сару, Ребекку и Джо-мо Кениату, председателя партии Национальный союз африканцев Кении, охранка арестовала. В знак протеста союз обратился с призывом ко всем африканцам бойкотировать проводимый англичанами праздник в Найроби.

Этот страшный день, когда схватили борцов за свободу, навсегда вошел в историю Кении, его здесь отмечают ежегодно.

Пытки и побои в тюрьме и лагерях не могли заставить Сару отказаться от своих убеждений. Она видела, как рядом умирали друзья и соратники по борьбе. Она работала с утра до ночи под палящим солнцем, спала под открытым небом, и тучи москитов вились над нею, а рядом ползали змеи. Потом Сара стала работать в тюремной больнице. Заключение удалось передать через нее петицию в английский парламент с жалобой на бесчеловечное обращение.

Благодаря запросу английских коммунистов в Кению прислали специальную комиссию. Но когда комиссия появилась, ей ничего не показали, а заключенных загнали в погреб. Саре удалось выбросить камень с запиской, в которой она писала, что комиссию обманывают. О том, как лагерные власти расправились с Сарой за эту записку, до сих пор говорят шрамы на ее лице.

В 1960 году Сару освободили из тюрьмы. Когда она подошла к дому, вся терраса была засыпана цветами, а какая-то молодая женщина развешивала красные гирлянды. Да это же ее дочь, ее Ваджико,

которую Сара не видела столько лет! Разве мать могла знать, что день, когда она получила свободу, был днем свадьбы ее Ваджико... Дочь взглянула на нее с удивлением. Что надо этой изможденной, седой нищей, с лицом, иссеченным шрамами? А ее мальчик, ее Джон, забился в угол, когда она хотела подойти к нему. Он не мог помнить свою мать. Сару арестовали, когда ему было всего два месяца.

И вот Сара на свободе... Ее не сломило пережитое. Женская организация Национального союза африканцев Кении к этому времени перестала существовать. И опять, как до ареста, Сара ходит из дома в дом, беседует с женщинами. Люди помнят Сару, верят ей, они полны уважения к ее трудной и героической судьбе. Сара организует митинги и собрания женщин в Найроби и окрестностях. Собрания длятся часами. Большинство женщин не умеет читать, и митинги заменяют им газеты, журналы, радио, которое для них

Рисунки Н. Голиковой.

КРУШЕНИЕ СУДЬБЫ

слишком дорого. Они жадно слушают Сару. Убедительно и понятно рассказывает она о родной стране. Кения — колония Англии, но дни колониального правления сочтены. Уже сейчас надо бороться за то, чтобы близкая независимость страны стала подлинной национальной свободой, а не новой формой экономического и политического господства империалистических держав. И в этой борьбе рядом с мужчинами должны идти женщины Кении.

В Кении появилась новая женская организация — Лига женщин Восточной Африки. Сара поняла: эта лига, созданная женами чиновников-европейцев, старается отвлечь африканок от участия в политической борьбе, вместо политических митингов и демонстраций она пропагандирует кружки рукоделия и курсы домоводства. Весной 1962 года Сара смело выступила с разоблачением истинных целей этой лиги. Потребовалось много усилий, чтобы женщины поняли, какой огромный вред несет им эта организация.

Еще опасней для Кении американский «корпус мира». Эти два слова последнее время Сара слышит все чаще. Казалось, почему бы ей, всю жизнь мечтавшей о больницах и школах для африканцев, не радоваться тому, что «добрые» американцы строят школы, лечат черных детей? Но Сара Сарай хорошо знает: за те крохи, которые империалисты дадут народу, они потребуют потом страшную плату — отказ от независимости.

Чтобы Кения вырвалась из лап английского капитала, надо еще много бороться и бороться. Только подлинная свобода, которой добиваются для своей страны лучшие люди Кении, может сделать народ счастливым.

У женского крыла Национального союза африканцев Кении в Найроби, которое возглавляет Сара Сарай, полно работы. Скоро выборы, и снова работа и борьба ради свободы. Сара отдала родине молодость, здоровье, но никогда не пожалела об этом...

Н. КРИЧИГИНА

В памяти жителей австрийской столицы Вены еще свежа страшная судьба Гертруды Дюваль.

Гертруда работала манекенщицей в одной из венских фирм готового платья. Красивой девушке предложили такую же работу в Анкаре. Сперва она колебалась, но, соблазненная большим жалованьем и подъемными, согласилась. Это было началом ее гибели.

Гертруда попала в Турцию, оттуда в Иорданию и, наконец, в Саудовскую Аравию. Там она стала содержанкой какого-то оптовика — торговца фруктами, а спустя некоторое время очутилась в публичном доме. Через полгода после отъезда из родного города Гертруду нашли мертвой в Бейруте. Австрийские и западногерманские газеты писали, что Гертруда Дюваль попала в руки крупной международной шайки по поставке публичным домам «живого товара».

Не успели венцы забыть трагедию Гертруды Дюваль, как во многих газетах на видном месте появились такие объявления: «Ночной клуб солидной репутации приглашает на работу в качестве офици-

анток и служащих молодых девушек с хорошей внешностью. С предложениями обращаться к директору отеля».

Редакция австрийской коммунистической газеты «Фольксштимме» решила проверить, не кроется ли за этими строчками замаскированная вербовка девушек в сомнительные заграничные заведения. Две молодые сотрудницы пошли по объявлению. Директора отеля на месте не оказалось, принимала посетительниц его супруга. Девушек, ищущих работу, собралось много.

Супруга директора придирчиво осматривала каждую, прежде чем дать анкету. Когда подошла очередь одной из девушек, командированных редакцией «Фольксштимме», директорша обратила внимание на ее кельяское произношение. Это ее обрадовало, и, перейдя на шепот, она доверительно сообщила, что вместе с мужем вербует девушек по поручению фирмы из Кельна. Не хочет ли девушка определиться в ночной клуб где-нибудь за рубежом Австрии? По закону вербовать на выезд нельзя, но если девушка захочет это-

го сама, ей не будут мешать...

Очередь постепенно тягала: кандидаток было отобрано немало. Ушли и девушки из газеты «Фольксштимме», пообещав вскоре вернуться.

Но они, конечно, не вернулись. Они написали обо всем, что видели. В «Фольксштимме» появилась статья, разоблачающая грязные махинации Вагнера — западногерманского короля по торговле девушками и его австрийских сообщников.

Многим венским девушкам эта статья раскрыла глаза на страшную правду. Она предостерегла их от губительного шага.

А как чувствуют себя дельцы, которых газета вывела на чистую воду? Нет, их не мучают угрызения совести! Они не отказались от выгодных сделок, от торговли «живым товаром». Прикрывшись высесками благонамеренных учреждений, они, увы, остаются безнаказанными. В «свободном мире», где правит капитал, это в порядке вещей. «Любой ценой делай деньги» — вот волчий закон капитализма.

С. РУХОВИЧ

ФРАНЦИЯ

АЛЕН НЕ ОДИНОК

На улице Мазарган в десятом округе Парижа стоит большой каменный дом. Каждое утро из подъезда выходит мальчик и отправляется в школу. На втором этаже, в маленькой квартирке с окном, выходящим во двор, будут дожидаться его возвращения двое стариков — бабушка и бабушка.

Родителей у Алена Деверпа нет. Его мать, французская патриотка Фанни Деверп, погибла 8 февраля 1962 года, когда французская полиция зверски обрушилась на демонстрантов, протестовавших против злодеяний бандитов из ОАС. Еще раньше Алэн потерял отца: участник демонстрации в защиту мира, он был избит полицейскими и вскоре скончался.

После гибели Фанни французские патриотки поклялись, что ее сын нико-

гда не будет одинок. Они сдержали слово. Союз французских женщин заботится о нем, как мать о родном сыне. Собрали деньги, чтобы уплатить за обучение Алена в лицее, отправили мальчика на летний отдых в Германскую Демократическую Республику. Журнал «Эр Клэр», орган Союза французских женщин, регулярно напоминает своим читательницам: «Все суммы необходимо направлять в Париж в адрес редакции «Эр Клэр» с указанием: «Для Алена».

Со всех концов Франции приходят в редакцию посылки, деньги и письма. Француженки спрашивают о здоровье своего питомца, спрашивают, в чем он нуждается.

Недавно Алэну исполнилось десять лет. Мальчик учится в 6-м классе лицея.

Ален.

Фото из французского журнала «Эр Клэр».

Он один из лучших учеников. Алэн занимается астрономией, увлекается техникой. Его мечта — стать конструктором самолетов, модельными игрушечными кораблями. Все это мальчик смастерил сам.

Будущее Алэна в добрых руках. Сын Франции вырастет хорошим человеком!

Т. АРКАДЬЕВА

ПРАВ ЛИ ОТЕЦ?

Дорогая редакция! После долгих раздумий решила просить вас ответить мне через журнал, так как считаю, что мои сомнения касаются многих матерей.

Школа, где учится мой сын, организовала конференцию отцов вместе с учениками. Детей предупредили, чтобы в назначенный день они пришли с отцами в школу. Узнала я об этом случайно из разговоров товарищей сына и поняла, как переживает мой мальчик.

Дело в том, что вся наша семья — я да пятнадцатилетний сын. Отец живет в этом же городе, но от нас он ушел 10 лет назад. У него теперь другая семья. Материальной помощи я никогда с него не требовала, а поддержки в воспитании мальчика не дождалась.

Когда зашел разговор о конференции, я надеялась, что отец сына придет в школу, поговорит с учителями, встретится, наконец, с мальчиком, которого он уже очень давно не видел.

И вот впервые за все годы, что мы расстались, я обратилась к отцу ребенка с просьбой, но... он отказался ее выполнить. По его мнению, пойти в школу, где учится наш сын, значит вызвать конфликт в своей теперешней семье, а пользы для мальчика, который вырос без него, от этого не будет. И, наконец, он боится, что внимание к сыну, с которым он не живет, скажется на его общественном авторитете.

Кто же прав: директор школы, утверждающая, что отец в ответе за воспитание своего ребенка, независимо от того, живет он с этой семьей или не живет, или отец, который отказывается от сближения с ребенком?

Л. ПЕТРОВА

г. Алма-Ата.

Развод... В редких случаях обходится он безболезненно для обеих сторон. Но главное не в переживаниях взрослых, и не об этом поведем мы речь. Главное — дети. Сколько смутения, страха, тоски, а порой озлобленности вызывает в душе ребенка уход из семьи одного из родителей (чаще отца)! Сколько сил тратит маленький, еще не окрепший душой человек на то, чтобы как-то понять, что произошло, на то, чтобы заслониться от боли, вызываемой расспросами окружающих: «Где твой папа?», «А твой отец кем работает?»...

И ребенок, будто виноватый, низко опустив голову, тихо отвечает: «Папа не живет с нами... Я не знаю, где он!» — или, громко выкрикнув: «А тебе какое дело?» — убегает от непростого собеседника. Нередко, боясь назойливых расспросов, ребенок становится замкнутым, начинает сторониться товарищей и никак не решится спросить мать о самом главном: почему рядом не стало отца?

И все же ребенку как-то надо ответить на вопрос: «Где мой папа?» Чаще всего детям говорят: «Папа

уехал...» Но этого им мало. Начинаются бесконечные расспросы: куда, зачем, когда приедет? И это не простое любопытство: за вопросами скрывается глубокая детская тоска по отцу.

А если дети уже стали подростками? Их душевную боль, вызванную семейным разладом, не излечишь одним словом «уехал». Оттого так важно сохранить семью. Ну, а если это невозможно? Тогда надо, чтобы взрослые заранее все обдумали и построили свои взаимоотношения так, чтобы и на расстоянии дети чувствовали любовь отца, его заботу и поддержку.

Надо сказать, что многое зависит от поведения матери, от того, сколь мужественно и по-человечески гордо будет она держаться в семье. Известны случаи, когда «в отместку» жена категорически запрещает ребенку встречаться с отцом, стараясь вызвать неприязнь к нему сына или дочери, называет его недостойным, нечестным человеком.

И маленький ребенок, как эхо, повторяет слова матери: «Наш папка нехороший! Он нас бросил! Он негодяй!»

А тот, кто постарше, слушая оскор-

бительные слова матери, не может понять, как же мама могла жить с таким плохим человеком. Почему только сейчас говорит она обо всем этом, а раньше радовалась его приходу, ждала, учила любить и уважать его? Когда же она была права?

Если родители умеют вести себя сдержанно и не высказывают свою неприязнь друг к другу в присутствии детей, если и после развода их отношения остаются если не дружелюбными, то хотя бы ровными и уважительными, тогда дети бывают менее травмированы.

Недавно в одном из третьих классов московской школы во время беседы о труде родителей бойкий синеглазый мальчонка рассказывал:

«Мой папа — главный агроном совхоза. Он с нами не живет теперь, а я езжу к нему на все лето. Он часто берет меня в поле. Я сколько раз ездил на тракторе, видел, как комбайном хлеб убирают, был с папой на элеваторе. Я когда вырасту, тоже, как папа, буду агрономом. Мы уже с ним договорились!»

А вот выдержка из письма мальчика постарше — Сережи Б. из Ленинграда:

«У меня очень хороший папа, я его люблю, и хотя мы давно живем с ним в разных городах, но мы дружим, постоянно переписываемся, а время от времени приезжаем друг к другу в гости. Когда я в чем-то сомневаюсь и мы с мамой не знаем, как решить лучше, она говорит: «А ты напиши отцу, он тебе посоветует».

Это те отцы, которые не боятся «подорвать свой авторитет» тем, что они признают ребенка, не живущего с ним, и ребенок гордится таким отцом, и хочет быть похожим на него, и верит в то, что он поможет, подскажет, откликнется на зов. Именно так и должен относиться к детям отец, если он честный человек. А его новая семья, когда разберется как следует, обязательно поймет, что отец ничего не отнимает у нее, уделяя внимание сыну, которому так необходимо чувствовать поддержку отцовской руки.

Ну, а если отец трусливо прячется за репутацию «добропорядочного семьянина», отказывается поддерживать какие-либо отношения с сыном, которого в свое время он оставил? Думаем, что такой отец сыну тоже не нужен. Ведь каждый ребенок хочет видеть своего отца добрым, справедливым, мужественным и стремится во всем ему подражать. А чему хорошему научит подростка фальшивый человек, который живет по принципу обывательской морали и шепотом говорит «о грехах молодости».

Дети — большое счастье. Какая мать не испытывает радости, когда вдруг услышит басовые нотки в ломающемся голосе сына («Растет, мужает сынок»), или, взглянув на дочку, заметит: как похорошела девочка! Правда, бывает, что и заносит сердце, как больной зуб, оттого, что сын один поехал на рыбалку, а не с отцом, как бывало раньше. Но боль пройдет, когда сын, вернувшись, протянет свой улов и скажет по-мужски: «Возьми, ма... Ушица будет что надо!»

И. КЛЮЧАРЕВА

ПРОЕКТЫ И ЖИЗНЬ

Н. МОРОЗОВА

Харовск — небольшой городок среди вологодских лесов. Вдоль улиц, похожие, как братья-близнецы, стоят темные бревенчатые строения. Вот среди них показались два одноэтажных белых домика, веселых и уютных. Это будущий детский комбинат 45-го лесозавода — его-то я и искала.

— Любуетесь? — остановилась проходившая мимо женщина в ватнике и теплом платке. И неожиданно спросила: — Сколько времени в Москве строятся, скажем, пятиэтажное здание? Месяца три? Ну, а у нас эти два домика третий год достроить не могут.

Около 700 женщин трудится на лесозаводе, а детский сад всего один на 140 мест. В конце 1960 года после настойчивых просьб работников решили соорудить еще одно детское учреждение — два домика, где разместятся 100 ребятшек. Эту весть приняли восторженным «Наконец-то!».

Однако радость оказалась преждевременной. Работники харовского строительного управления заложили фундамент первого из запроектированных зданий и уже начали было кладку, как вдруг рука каменщика с очередным кирпичом замерла, словно в сцене из «Спящей красавицы». Причиной тому было не веретено злой феи, а телеграмма из Вологды: завод передавался в ведение совнархоза, стройку пока что прекращали финансировать.

«Пока что» длилось 9 месяцев. Лишь в ноябре 1961 года на площадку снова пришли строители. Из-за примитивной техники, «сиротской» зимы с частыми оттепелями, превращавшими дороги в непроходимое месиво, из-за перебоев в снабжении материалами работа шла далеко не так споро, как хотелось. Только к концу апреля ко-

робки обоих зданий были готовы. Когда приступили к монтажу оборудования, кто-то из строителей внес разумное предложение: вместо наружной котельной, предусмотренной в проекте каждого из домиков, устроить ее в одном из зданий, во втором же разместить кухню с тем, чтобы она обслуживала весь детский комбинат.

В ту пору, на беду, в Харовск приехал ревизор из облстройбанка. «Отступление от проекта? — возмутился он. — Не позволю!»

Сколько ни доказывали строители, что это отступление для пользы дела, что оно не только облегчит труд будущих работников детского комбината, но и сэкономит государственные средства, ревизор недрогнувшей рукой закрыл счет. Тишина и запустение вновь воцарились на стройке. Целых полгода представители завода и строительного управления путешествовали по инстанциям, «утраивая» вопрос. Окончательно решить его удалось лишь в Москве, в Госстрое РСФСР. Изменения в проекте были санкционированы, банк вновь отпустил средства. Все вернулось на свои места, все, кроме безвозвратно потерянных месяцев.

Сад-ясли лесозавода не единственное в Харовске детское учреждение, строящееся столь позорными темпами. Четыре года назад начали строить детский комбинат шпалопропиточного завода.

Все шло как по маслу. Однако в разгар строительной страды у кого-то возникло сомнение: а нужен ли вообще шпалопропиточный завод в Харовске?

Дальнейшие события развивались по уже знакомой печальной схеме. Почти готовое здание детского комбината простояло заброшенным ровно два года. Дом не отапливался, и на стенах

облупилась штукатурка; мальчишки-футболисты выбили оконные стекла, неизвестные злоумышленники похитили печные заслонки.

Работники райисполкома, наблюдавшие эту картину, просили представителей Северной дороги:

— Разрешите нам достроить детский комбинат.

— Не разрешим, — отвечали железнодорожные власти. — Еще не хватало: мы строили, а город займет!

Наконец внутриведомственные споры решились: заводу быть! С начала 1962 года он уже дает продукцию. А до детского комбината руки строителей вновь дошли только месяца два назад.

— Но ведь здание было почти готово?

— Так-то оно так, — разводит руками мастер стройучастка тов. Смирнов, — но в нем по проекту предусмотрена канализация, а ее в городе еще нет, только строи...

— Разве нельзя было, пока суд да дело, устроить выгребную уборную, а когда подведут канализацию, засыпать ее?

— Что вы! Ведь это не по проекту. Комиссия ни за что не примет!

Там же, в Харовске, давно готов другой детский комбинат на 90 мест. Остановка тоже за канализацией.

Не только в Харовске, но и в Кичменгском городке, Тотьме и ряде других районов Вологодской области стройки детских учреждений превращаются в так называемые переходящие, «перекочевывают» из одного года в другой. Разумеется, государству это влетает в копейку.

Нельзя умолчать и о безответственности некоторых строителей. В Октябрьском поселке Вологды мне показали новый детский сад, который

Рисунки В. и Г. Караваевых.

строили на 9 месяцев дольше, чем полагалось по плану, и все же сдали с вопиющими недоделками. Работники треста «Вологдастрой», соорудившие здание, и слышать не хотят об исправлении: акт приема подписан, а там хоть трава не расти.

Все эти факты тем более нетерпимы, что в Вологодской области особенно остро ощущается нужда в детских учреждениях. Лишь 20 процентов всех детей дошкольного возраста посещают детские сады и ясли. На предприятиях области мне не раз приходилось слышать о сотнях неудовлетворенных заявлений, о матерях, которые вынуждены запирают малышей одних дома или бросать работу: некуда девать ребенка.

Ряд предприятий Вологды — мебельная, овчинно-меховая фабрики, завод «Мясомолмаш» — вовсе не имеет детских учреждений. У швейной фабрики, на которой трудятся 2 тысячи женщин, есть лишь один детский сад на 100 мест. Не лучше дела и в городе металлургов Череповце: строительство детских садов и яслей не поспевает за ростом населения.

И нельзя не поставить в вину местным партийным, государственным и общественным организациям, что они так поздно обратили внимание на безмерно затянувшееся строительство детских садов в Харовске.

Это, разумеется, не значит, что в Вологодской области вообще не интересуются детскими учреждениями. Ими занимаются, и всерьез. Под детские сады и ясли приспособляют пригодные для этой цели помещения, отводят часть площади в новых жилых домах. За минувший год в области построено детских дошкольных учреждений на тысячу мест больше, чем намечалось по плану. Однако до удовлетворения нужд в них еще очень далеко.

При таком положении особенно важно, чтобы каждая копейка, отпущенная на новые детские учреждения, использовалась по назначению, в срок.

В этой связи надо сказать о системе проектирования детских учреждений. Вернемся к уже знакомому нам Харовску. Три новых детских комбината строятся здесь по различным проек-

там: для лесозавода его разработал институт «Гипродрев», для железнодорожников — «Ленгипротранс», работники местного Совета выбрали проект «Гипроздрав». Спрашивается: зачем нужно такое разнообразие проектов однотипных учреждений, строящихся в одном городке?

До сих пор проектированием детских садов и яслей занимались многие десятки организаций и ведомств. Работая разобщенно, они дублировали друг друга. А ведь каждый проект — это тысячи народных рублей.

В своем докладе на ноябрьском Пленуме Центрального Комитета КПСС Н. С. Хрущев уделил много внимания крупным недостаткам проектирования в промышленности и строительстве. На Пленуме говорилось о необходимости централизации учреждений, занимающихся проектированием, о том, чтобы не создавать всякий раз новые проекты, а пользоваться типовыми. Все это полностью относится к проектированию детских учреждений.

Давно настало время сосредоточить это проектирование в каких-то одних руках. А средств, которые уходило до сих пор на дублирование проектов, хватит на постройку не одного детского сада.

В Центральном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования Академии архитектуры и строительства мне показали новый проект совмещенного детского сада-яслей. Это красивое, уютное двухэтажное здание рассчитано на 280 детей. Сооружение более крупных детских учреждений позволит быстрее ликвидировать их нехватку: построить одно большое здание дешевле, чем два маленьких. По этому проекту здания будут монтироваться, как жилые дома, — из панелей, изготовленных на доместроительных комбинатах. Всего около двух месяцев потребуются на сооружение такого детского учреждения.

К сожалению, хороший проект слишком медленно внедряется в жизнь. В той же Вологодской области большинство детских садов-яслей в новом году, как и прежде, намечено строить по старинке.

С этим мириться нельзя!

Беседа врача

ПОСЛЕ

Фото И. Гневашева

Приветливая, недавно побеленная комната. Сверкает свежей краской пол, в самом светлом углу стоит крошечная кроватка. За стеклянной дверцей шкафа видны ровные стопки старательно отутюженного детского белья.

А вон и сами счастливые родители. На руках у отца тот, кто теперь ему дороже всего на свете. Вокруг долгожданного внука суетятся растроганные бабушка и дедушка. Без конца звонит телефон: это спешат поздравить друзей, родственники. А как же? В семье появился ребенок!

Но улеглись первые волнения, началась будни. Трудовые будни после родов. Всем хочется, чтобы малыш рос крепким, здоровым, радовал своей улыбкой. Первое условие всего этого — здоровье матери. Благополучие новорожденного да и всей семьи во многом зависит от того, как поведет себя женщина в первые недели после величайшего в ее жизни события — родов.

Во время беременности в организме женщины происходят значительные изменения: повышается обмен веществ, с большим, чем прежде, напряжением работают легкие, сердце, печень и другие внутренние органы, увеличивается матка, усиливается ее кровоснабжение. Большие перемены происходят также в молочных железах, которые готовятся к выработке молока.

В течение 6—8 недель после родов организм женщины постепенно возвращается к прежнему состоянию: уменьшается до нормальных размеров матка, а ее внутренняя израненная поверхность постепенно покрывается слизистой оболочкой, заживают ссадины и трещины в мягких родовых путях. Вновь перестраиваются почти все внутренние органы, так или иначе участвовавшие в процессе вынашивания плода, а затем в родовом акте.

Надо ли убеждать кого-нибудь в том, что такие серьезные сдвиги требуют внутренних сил, и полное выздоровление женщины (я понимаю под словом «выздоровление» возврат к норме) во многом зависит от ее поведения после родов!

Не будем отрываться от реальности: трудно усидеть на месте, вернувшись с новорожденным домой, так и хочется навести в квартире лоск, обед приготовить, белье постирать. Плачет малыш: время его кормить. Не успела оглянуться — уже пора на прогулку, а еще ждет гора мокрых пеленок. Вот и бывает: заручится молодая мать со своими хлопотами, забудет о себе.

Нельзя этого допускать. Со всех точек зрения нельзя! Напряженный физический

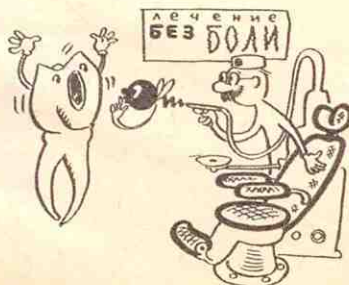
Наука-людям

Ультразвук лечит зубы

Кому не приходилось с содроганием вспомнить зубврачебный кабинет и бормашину! И вот недалеко то время, когда мы забудем об этом. Недавно создан прибор, который позволяет лечить зубы совершенно безболезненно. Для этого используется ультразвук.

Рабочая часть ультразвуковой бормашины, та, которую врач держит в руке, представляет собой полую трубку, напоминающую авторучку. С огромной частотой не-

зримо вибрирует внутри тонкий металлический пруттик. Прутик даже не касается зуба. Он лишь сообщает высокочастотные колебания мельчайшим кусочкам абразива, которые непрерывно поступают к нему по тоненькой трубке. С

другой стороны — вторая трубочка, по которой течет вода для промывки зуба. С яростью бомбардируют пылинки абразива зуб, сверлят его. Удар каждой частички ничтожен, мы не ощущаем его. Но их ведь тысячи. И зуб сдается...

Пылинка и человек

Мириады мельчайших, невидимых точек-пылинок носятся в воздухе. Эти крохи — опаснейшие враги наших легких.

Для борьбы с пылью на производстве применяются всевозможные «сторожа здоровья»: пылеуловительные уста-

новки, вентиляторы, фильтры, водяные завесы, искусственные туманы, ионные излучатели. Но, бывает, в воздухе носятся настолько мелкие пылинки, что их невозможно поймать никакими средствами, и тогда рабочему приходится надевать на голову тяжелый, неудобный респиратор. Центральный научно-исследовательским горно-разведочным институтом цветных, редких и благородных металлов создан новый респиратор из пористых пластмасс. Он очень легкий — весит всего лишь 20 граммов, удобен и в то же время надежно защищает от пыли. Стоит он всего 10 копеек, тогда как цена обычного резинового респиратора — 4 рубля.

И. СТРУЯНСКИЙ,
заслуженный врач РСФСР

РОДОВ

труд в это время особенно пагубно отражается на здоровье кормящей женщины. Неразумная страсть к слишком добросовестному ведению хозяйства иногда снижает и количество молока. Не выбывайте из сил.

— Но как? — спросите вы. — Домашняя работа не ждет!

И тут мне хочется обратиться к родным, особенно к мужу кормящей матери. Позаботьтесь о ней, товарищ, помогите по хозяйству, не разрешайте поднимать и носить тяжести, много стирать. Ничего, если раз-другой молодой отец пойдет на работу не в белой рубашке, как всегда, а в клеточку — зато сэкономит силы той, которая подарила ему малыша. Возвращаясь домой, муж может купить продукты, зайти в молочную кухню, а уж принести воды, снять с плиты бачок, вынести ведро с мусором — это его прямая обязанность. В домашнюю работу роженица должна включаться постепенно, осторожно.

Мы, врачи, обычно рекомендуем кормящей матери спать не менее 8 часов в сутки. Но женщины-то знают, как трудно это осуществить, особенно если в семье нет бабушки. Ребенок плачет, заботы тьма, какой уж тут сон! И все-таки выспаться можно, если... если опять-таки поможет муж. Ночью и он должен подойти к малышу, перепеленать, успокоить. Наконец, не так уж сложно матери, если хорошо разобраться, днем выбрать часок-другой для того, чтобы отдохнуть. Хороший, достаточно длительный сон особенно важен в первые недели после родов. Хроническое недосыпание приводит к перенапряжению нервной системы, к снижению аппетита и ухудшению работы молочных желез. Выходит, что нормально выспаться надо и во имя малыша, а не только для себя.

Иная молодая мать считает, что она чуть ли не каждую минуту должна находиться возле своего ребенка. А раз так, отказывается от прогулок, пока новорожденному нельзя еще гулять. На поверку это не приносит пользы ни женщине, ни младенцу. Гораздо разумнее уже через 2—3 дня после возвращения из родильного дома (если, конечно, самочувствие хорошее) выйти на прогулку. Временная разлука с ребенком только поможет сохранить свежесть и здоровье.

Некоторые легкомысленные мамы впадают в другую крайность: спешат завернуть все, что было упущено во время беременности, — танцуют, ходят в гости, торжественно возвращаются и занятым спортом и т. д. Ни к чему хорошему это не приводит. И для здоровья вредно, и количество грудного молока может убавиться.

А об инфекциях — разве можно о них забывать? Мать и малыш очень расположены в послеродовой период к заразным болезням.

Случается, что мать, всем сердцем заботясь о своем ребенке, кормит, купает его. А о себе забывает. А ей необходимо соблюдать правила гигиены и прежде всего регулярно мыться. Уже через 4—5 дней после выписки из родильного дома можно принять душ. Лучше всего именно душ, он более гигиеничен; принимать ванну или ходить в баню в первый месяц после родов нельзя. А если нет душа, нужно мыться из таза теплой водой с мылом. Это, разумеется, не исключает специального туалета. Подмываться рекомендуется два раза в день теплой кипяченой водой с мылом.

Несколько слов о гигиене молочных желез. Если не соблюдать некоторых правил, может возникнуть мастит. Тогда будет поставлено под угрозу главное — кормление ребенка. Допустимо ли доводить до этого? А ведь уберечься от грудицы не так уж трудно. Надо следить, чтобы на соски не попадала грязь, и каждый день обмывать грудь теплой водой с мылом. Перед кормлением следует протирать соски ваткой, смоченной борной кислотой или просто кипяченой водой. Очень важно научиться правильно прикладывать ребенка к груди. Руки должны быть всегда чистые, ногти коротко острижены. И никакого лака. Просто и вместе с тем надежно. Если на сосках все же появились трещины, ни в коем случае не лечите по собственному разумению — обратитесь к врачу.

Питание в послеродовой период организуется так, чтобы соблюсти интересы и малышу и матери. За час до кормления необходимо обязательно подкрепиться.

А вообще есть надо четыре раза в день. Пища должна быть вкусной и разнообразной. Особенно много ценных питательных веществ содержится в мясе, рыбе, твороге, молоке, фруктах и овощах. Хлеб предпочтителен простого помола. Особенно следует рекомендовать мед, гречу, грецкие орехи, сыр — они способствуют образованию грудного молока.

Правильно питаться не значит, конечно, есть много. Хотите сохранить после родов стройную фигуру? Не поддавайтесь увещаниям: «Ешь побольше, дитя из тебя все соки вытягивает». Рацион нужно увеличить только на одну треть. И пить в течение суток надо не так уж много — около двух литров. Нарушение этих норм, злоупотребление жирами и мучными блюдами может повести к ожирению.

Вы любите горчицу, уксус, перец. Все-таки откажитесь еще на какое-то время от них. Проникая с молоком матери в организм ребенка, эти специи приносят ему вред. По той же причине нельзя без назначения врача принимать лекарства, в том числе и слабительное. Работу кишечника можно отлично регулировать с помощью простокваши, кефира, свенлы, чернослива, в крайнем случае клизмы.

Когда в семье появляется первенец, родственники, знакомые наперебой стремятся дать совет, но вместо пользы от подобной «самодеятельности» нередко получается вред. Чего стоит, например, довольно распространенная рекомендация пить пиво, чтоб было больше молока! Молока не прибавится, уверяю вас, но заключенный в пиве алкоголь способен повредить малышу — тут уж можете не сомневаться!

Сохранить после родов красивую фигуру — об этом мечтают многие женщины. Ну что ж, есть такой способ: физические упражнения. Они укрепляют растянутые во время беременности мышцы и кожу брюшной стенки, улучшают работу всех органов, создают бодрое, жизнерадостное настроение. Комплекс упражнений разрабатывается врачом. Впрочем, в родильных домах проводятся занятия гимнастикой, знакомые упражнения можно на первых порах проделывать и дома. Очень важно также 2—3 месяца после родов носить специальный бандаж.

В заключение хочется напомнить всем молодым матерям: следите за здоровьем, советуйтесь о нем с наблюдающим за вами врачом, и сложный послеродовой период пройдет вполне благополучно, ничто не омрачит вашего счастья.

Льнолаван

Одежда из льняной ткани... Она красива, гигиенична, приятно холодит тело, у льняных тканей красивый блеск, они прекрасно стираются и гладятся. Одно плохо: эти ткани мнутся.

Центральный научно-исследовательский институт лубяных волокон нашел способ избавить льняные ткани от этого порока. Они будут сминаться меньше, если их обработать специальными препаратами — аппретами. Есть и другой путь: смешать сминаемые льняные волокна с упругими синтетическими, например, с лавсаном. В институте созданы образцы таких костюмных тканей — «гибридов», которые не только не мнутся, но и почти не садятся, долго сохраняют заутюженные складки, втрое лучше льняных противостоят истиранию и имеют в пять раз большую стойкость к многократным изгибам.

Новый утюг

Новый электрический утюг снабжен не только автоматическим регулятором температуры, но и приспособлением для отпаривания ткани. Это утюг «скоростник»: он нагревается не через 10—15 минут, как обыч-

ные утюги, а всего за 2—4 минуты.

Производство таких утюгов освоено на Новозеркаском электровозостроительном заводе. Надо полагать, что скоро они появятся в широкой продаже.

Цветные ботинки

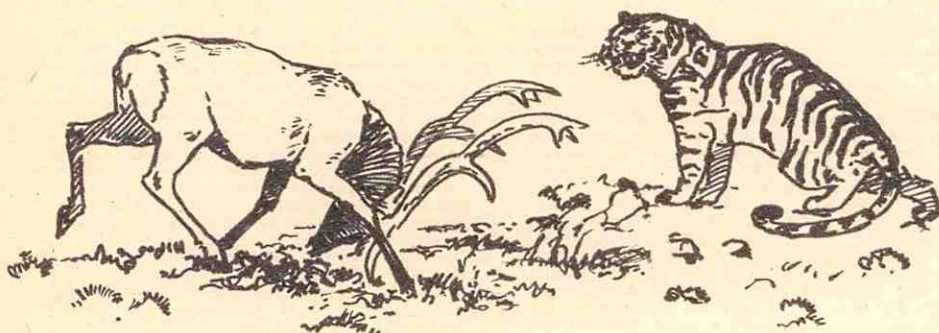
Легкие детские цветные ботинки — красные, синие, зеленые — с различными рисунками начал выпускать московский завод «Красный богатырь». Он делает их из синтетического каучука — латекса «Л-4».

Способ изготовления таких ботинок разработал Московский научно-исследовательский институт резиновых и латексных изделий.

Лесные были

Валентина МУЦЕТОНИ

Рисунки автора.

Голос в тайге

В то лето мы работали в дальневосточной тайге. Возвратившись вечером после очередного маршрута к нашей «гостинице» — маленькой лесной избушке, я и мой проводник Сергей сидели на теплых бревнах и молча смотрели на закат. Тревожные краски растворялись в поднимающихся с востока сумерках. Над тайгой, беспрестанно меняя форму, плыли фантастическими чудовищами пухлые белые облака. Подошел Никанорыч — старый таежник, объездчик заповедника.

Стемнело. Сергей разжег костер. Мы занялись ужином. Вдруг на ближней сопке раздался гудящий, трубный звук. Ему сейчас же ответил другой, такой же гудящий, яростный. Я поняла: начался гон изюбрей — дальневосточных оленей. Во время гона самцы не на жизнь, а на смерть бьются из-за самок, громким ревом вызывая друг друга на поединок.

...На секунду все смолкло, а потом вновь началась переключка труб — самцы сближались. Вот-вот в тайге раздастся сухой треск рогов — бойцы сойдутся. Никанорыч, прищурившись, взглянул на меня и спросил:

— Кто ревет?

— Изюбрь, конечно, — ответила я.

— Один изюбрь, другой тигр, — сказал старик. — Тигр, язви его, наловчился изюбря передразнивать. Вот и подманивает к засаде.

Сергей застыл с котелком в руках и покачал головой.

Тигр продолжал майнить. Изюбрь, не чувствуя западни, отвечал и спешил ему навстречу. Я представляла, как, раздувая ноздри, он ломится напрямик через чащу, туда, где его ждет гибель. Хотелось крикнуть, предупредить его. Но разве это возможно?

Тигр напал неожиданно. Из тайги при-

летели звуки схватки, короткой, отчаянной, безнадежной. И все стихло. К ужину я не притронулась. Сидела, всматривалась в темень тайги, и мне чудилось, что на меня глядят желтые глаза огромной полосатой хищной кошки.

Утром мы поднялись на сопку. У самой вершины на небольшой полянке лежал изюбрь. Вернее, то, что осталось от него. Цела была лишь голова с прекрасными рогами.

«Браконьеры»

Я работала охотником недалеко от Москвы. Мы разводили дичь и вели нещадную борьбу с браконьерами.

Однажды, возвращаясь с очередного обхода, я шла на лыжах по заснеженной деревенской улице. Впереди на узкой расчищенной тропинке я увидела трех охотников. Они медленно двигались мне навстречу. За плечами у них висели ружья, шапки были нахлобучены на глаза.

Из калитки вышла женщина с ведрами. Увидав охотников, окликнула их:

— Откуда вы, парни?

Они остановились, засунули руки в мокрых рукавицах в карманы.

Валентина Муцетони — биолог-охотовед. Шесть лет назад она окончила Московский институт пушного хозяйства, была охотником подмосковного охотничьего хозяйства, а сейчас — инженер-охотовед «Лесопроекта». Валентина побывала во многих научных экспедициях: в дальневосточной тайге и в горах Тянь-Шаня, в Баренцовом и Белом морях, в степях Казахстана и Приазовья. Свои наблюдения она записывает в дневник, делает зарисовки. С некоторыми из них мы знакомим читателей.

— С охоты мы, тетка Марья, — солидно сказал старший.

— Кого же вы убили? — спросила тетка Марья, опасливо поглядывая в мою сторону.

— Я медведя завалил, — ответил первый.

— А я — лося, — сказал второй.

— А я — волка, — сказал третий.

Они важно поправили ружья-палочки и гуськом пошли дальше. Старшему «браконьеру» едва минуло шесть лет.

Встреча у куста барбариса

Ягод было видимо-невидимо. С одного куста можно набрать целую корзину малины, а барбариса — и того больше.

Алексей, прихватив плетенку, утреком пошел по ягоды. Сначала он собирал их в корзину, а потом, усевшись прямо под кустом, стал уплетать черные барбарисины. И забыл обо всем на свете.

Качнулись ветви, и над ним поднялась орехово-желтая голова медведя. Алексей вскопчил. Человек и зверь стояли рядом, в упор глядя друг на друга. Губы обоих были лилово-синие от ягод.

Медведь первым вышел из оцепенения. Он сделал шаг к человеку, вытянул шею и, приблизив влажный пятачок к его лицу, шумно обнюхал, потом, раскрыв пасть, громко рявкнул, обдавая человека горячим дыханием. Человек плюхнулся на землю. А медведь, не глядя на него, повернулся и степенно пошел по склону.

Алексей, бледный, без корзинки, прибежал к нашим палаткам. Он рассказал о том, что с ним произошло, и наивно спросил:

— А почему он не съел меня?

Все расхохотались. Алексей — единственный из нас не охотовед. Пришлось

ДВА АНДРЕЙКИ И САШОК

его просвещать. Бурые медведи предпочитают растительную пищу. А если ее много (как было много тогда ягод), они и совсем становятся вегетарианцами. Особенно осенью, когда жиреют. В такое время они ни на кого не нападают.

Алексей вздохнул, видимо, все еще переживая страшную встречу, потом улыбнулся и сказал:

— Ну, вы-то все это знаете. А знали об этом тот медведь?

На перелете

Вечер, тихий и розовый, пришел на берег Московского моря. Водная гладь безбрежна, гладка и тиха. Густые заросли камыша, успевшего поблекнуть в эти осенние дни, то там, то тут вставали из воды крохотными островками. Для охотника это — заветное место. На таком островке, в скрадке, можно притаиться с ружьем на заре и ждать, когда полетят утки.

Чтобы приманить утиную стайку, недалеко от скрадки на воду пускают подсадных уток. Резиновые, они плавают у зарослей камыша, как двойники настоящих птиц.

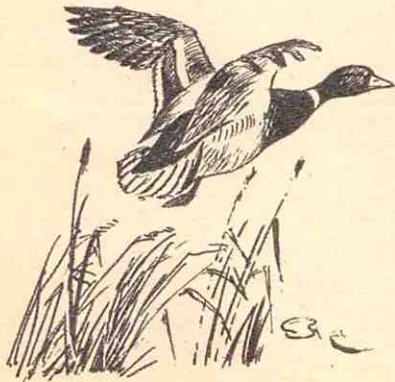
У меня было восемь таких подсадных. Они тихо покачивались на воде, а я ждала.

Так прошло с полчаса. Но, видно, я не настоящий охотник. Забыв обо всем, я любовалась красками заката. Резиновые утки словно купались в красно-зеленых всплесках. Они были так живописны, что я не выдержала, отложила в сторону ружье, схватила карандаш и стала рисовать.

На листе бумаги появилась цепочка птиц. Оставалось нарисовать самую дальнюю. Я взглянула на воду, и мне показалось, что одно чучело отплывает. И в самом деле, оно завертело головой и повернуло ко мне. Ожили и другие. Черные бусинки их глаз спокойно смотрели на меня.

Повернувшись направо, я увидела в сторонке еще стайку уток — это были мои резиновые подсадные. Когда они поменялись местами с живыми, когда опустились на воду эти настоящие утки, я так и не заметила.

Рука потянулась к ружью и остановилась. Не надо. Пусть живут, пусть позируют мне.

Мы живем в коммунальной квартире. Три семьи. В каждой семье есть малыши. Их трое, совершенно разных мальчишек. Но одно общее у ребят — возраст. Каждому из них по два года. С небольшой разницей. Растим ребят сообща, советуемся, помогаем друг другу. Вместе готовили первые каши, супы.

Наши малыши одновременно сплестились с кроваток на пол, начали ходить. Времени у трех матерей оказывалось все меньше и меньше. Нельзя оставить одних надолго в комнате. Решили чередоваться — две хлопочут по хозяйству, одна занимает ребят. Поначалу выходило неплохо. А потом игрушки стали надоедать малышам. Дети здоровые, резвые, без дела им скучно. То оба Андрейки стукнут Сашку, то он их нахлопает. Поняли: нужны детям игры, занятия. Впервые задумались, как организовать уголок ребенка в семье.

Советы по созданию такого уголка нашли в журналах, газетах, подробно описан уголок в «Краткой энциклопедии домашнего хозяйства». Это удобно для ребенка: место у окна, поближе к свету. Рекомендуются поставить детский стол, стул, этажерку для книг и игрушек, постелить ковер для игр. Можно дополнить уголок небольшим аквариумом и клеткой с птичкой. Допускаются вариации: вместо этажерки полочка для книг, а для игрушек ящик.

На первый взгляд кажется, все решено удобно и хорошо. Но что поставило нас в тупик — все планы уголков давались без учета возрастных особенностей детей. Для школьника вообще. Мы хотели, чтобы уголок был приспособлен для игр и занятий с двухлетним ребенком.

Наши малыши к полутора годам с удовольствием начали рассматривать картинки в журналах, книгах, брать карандаши, — мы прежде всего подумали о столе. Места лишнего в комнатах нет. Стол должен быть портативным и выполнять несколько функций. На помощь матерям пришли отцы. На общем совете был одобрен проект стола. Подставка для стола металлическая, на четырех ножках, скрепленная сверху круглым кольцом размером с небольшой таз. В полые ножки подставки вставляются резиновые пробки, подставка получается устойчивой и при передвижении не царапает пол. На подставку накладывается доска — поверхность стола, аккуратно обитая цветной клеенкой. Чтобы доска плотно прилегала к подставке, с нижней стороны к ней прикрепляются защипы, охватывающие металлическое кольцо. Доска легко снимается.

Чего мы этим достигли? Когда дети увлекаются рассматриванием картинок, они садятся за стол или стоят возле него — им удобно. Снимая крышку стола, мы можем поставить на ее место таз. В таз вначале насыпа-

ли специально заготовленный песок, затем воду. Песка и воды брали немного, так, чтобы едва покрывалось дно таза. Детям было интересно, запустив ручонки, перебирать песок, а со временем они научились выкладывать простые формы.

Увлекательны игры с водой. Не в меньшем восторге были мальчишки, когда вместо таза к основанию стола мы привязывали сетку или просто пеленку и предлагали им забросить в нее мяч.

Сейчас малыши все больше увлекаются рисованием. К крышке стола с задней стороны мы прикрепили пелли, накальваем сверху нее линолеум и вешаем на стену. Дети рисуют на такой доске мелками с большим удовольствием. Эту же крышку стола мы приспособили для игр. На висящую доску прикрепляем рамку с полочками. На полках дети расставляют игрушки: на одну ставят кубики, на другую — маленькие машины, на третью — кукол. Это очень интересует их и заставляет по-новому относиться к игрушкам, находить нечто общее между ними: только кубики, только машины. Расставляя игрушки по полочкам, дети будут в дальнейшем учиться счету, упражняться в пересчитывании игрушек.

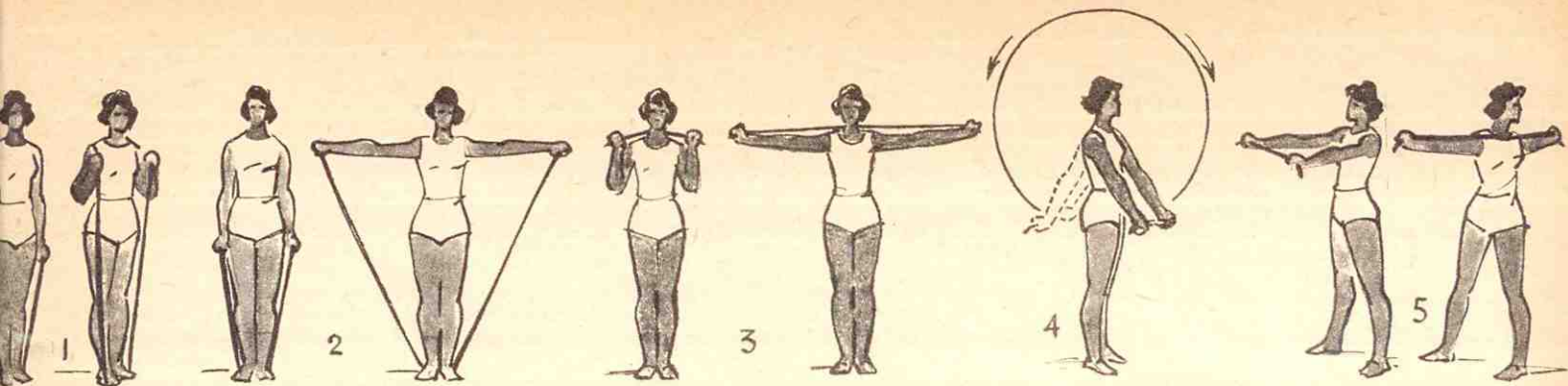
Другую половину нашего уголка занимает «гараж». Дети не умели складывать игрушки после игр, и сперва этим занимались взрослые. Однако мальчишек следовало приучать к порядку. Так появился «гараж» — перевернутая коробка, крышка которой представляет собой открывающиеся дверцы. Перед окончанием игр игрушки грузятся на машины и «отправляются» в «гараж». Сверху коробки мы сложили книги и крупные игрушки.

Сейчас нашим детям идет третий год. Задачи в развитии, воспитании усложняются. Мы станем перед необходимостью иметь дома доску для упражнений в равновесии, складной заборчик, который можно было бы класть на пол для тренировки в ходьбе по лежачей лестнице.

Очень важно воспитать у ребят бережное отношение к работе товарища, уважение к его труду. Бывает так: Андрейка построил сооружение из песка, а Сашок сломал. Поступая так, малыши не могут осознать неправильность своих действий, разве только когда друг заплачет. Поэтому мать или отец, занимаясь с детьми, оберегают их постройки, предлагают помощь товарищу: «Саша сломал домик, а ты накрой его крышей». Совместные занятия, игры помогли организовать наших ребят. Они стали более внимательными, самостоятельными и усидчивыми, причащаются к уступчивости, дружескому расположению, коллективизму.

В. КОНДРАТОВА

г. Ростов-на-Дону.

ЧТОБЫ БЫТЬ СТРОЙНОЙ И КРАСИВОЙ

Упражнения с резиновым шнуром укрепляют связки и мышцы, делают более подвижными суставы. Поэтому мы настоятельно рекомендуем включить их в комплекс утренней гимнастики. Для начала возьмите 2—3 упражнения, затем через каждую неделю добавляйте 1—2 упражнения, и только к концу второго месяца можно включить все остальные. Не надо перенапрягаться, выполняя упражнения. Нагрузка на мышцы и на весь организм будет и так достаточной, если каждое упражнение вы будете повторять 6—10 раз (в зависимости от возраста, от упругости шнура, сложности упражнения). Выполняя упражнения, не

руки в локтях, натяните шнур, затем медленно разогните руки.

2-е упражнение. Исходное положение то же. Растягивая шнур, поднимите руки в стороны, затем медленно опустите их.

3-е упражнение. Шнур за головой, держите его так, чтобы расстояние между кистями рук было 40—60 см. Растягивая шнур, отведите прямые руки в стороны, затем медленно верните руки в исходное положение.

4-е упражнение. Шнур спереди, в опущенных руках.

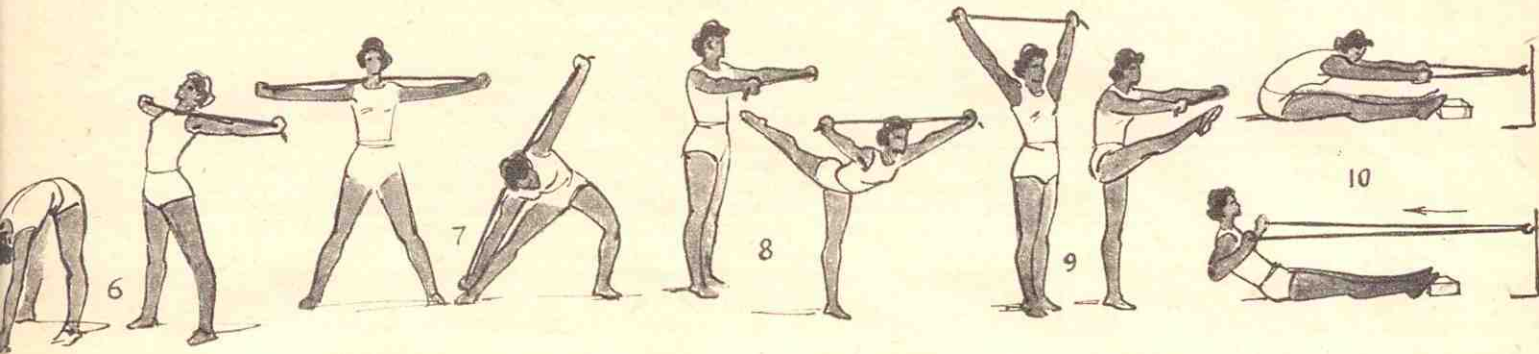
7-е упражнение. Стойка ноги врозь (широко). Руки в стороны, шнур натянут за спиной. Согнув левую ногу, правой рукой старайтесь коснуться правой стопы. Вернувшись в исходное положение, повторите упражнение в другую сторону.

8-е упражнение. * Слегка натянутый шнур в вытянутых вперед руках. Наклоняя туловище вперед и отводя назад правую ногу, разведите руки в стороны, прогните спину и приподнимите голову («ласточка»). Вернувшись в исходное положение, повторите упражнение, стоя на другой ноге.

цы шнура, делайте туловищем и руками движения, подражая движениям гребца.

11-е упражнение. * Шнур прикреплен к полу или к нижней части стены. Наклоните туловище вперед, захватите руками концы натянутого шнура, выпрямитесь и одновременно поднимите руки вверх. Вернитесь в исходное положение и снова повторите упражнение.

12-е упражнение. * Шнур закрепите в верхней части стены. Захватите руками концы натянутого шнура. Растягивая шнур, наклоняй-

задерживайте дыхание. Вдыхайте воздух через нос, выдыхайте через нос и рот.

Занятия с резиновым шнуром противопоказаны тем, у кого гипертоническое заболевание, значительное склеротическое поражение кровеносных сосудов мозга и сердца и порок сердца с нарушением компенсации. Упражнения, помеченные звездочкой, не рекомендуются пожилым. Все другие упражнения им можно выполнять в медленном темпе.

Резиновый шнур можно заменить эластичным бинтом (продается в аптеке). Длина шнура — 1,5—2 метра.

1-е упражнение. Встаньте на шнур и возьмите концы его в руки. Стараясь согнуть

растягивая шнур, поднимите руки вверх и опустите вниз за спину. Обратным движением верните руки в исходное положение.

5-е упражнение. Стойка — ноги врозь, шнур в вытянутых вперед руках. Поворачивая туловище влево и растягивая шнур, разведите руки в стороны. Вернитесь в исходное положение и повторите упражнение в другую сторону.

6-е упражнение. Наклоните туловище вперед, руки со шнуром опустите. Выпрямляя туловище и прогибаясь, одновременно разведите руки в стороны, растягивая при этом шнур.

9-е упражнение. * Сильно растянутый шнур находится в вытянутых вверх руках. Поднимая вперед правую ногу, одновременно опустите руки со шнуром до уровня плеч (шнур в этот момент не натянут). Стремитесь ногой коснуться шнура. Вернитесь в исходное положение и повторите упражнение, поднимая другую ногу.

Для выполнения упражнения с 10-го по 14-е требуется более длинный резиновый шнур, который необходимо надежно закрепить.

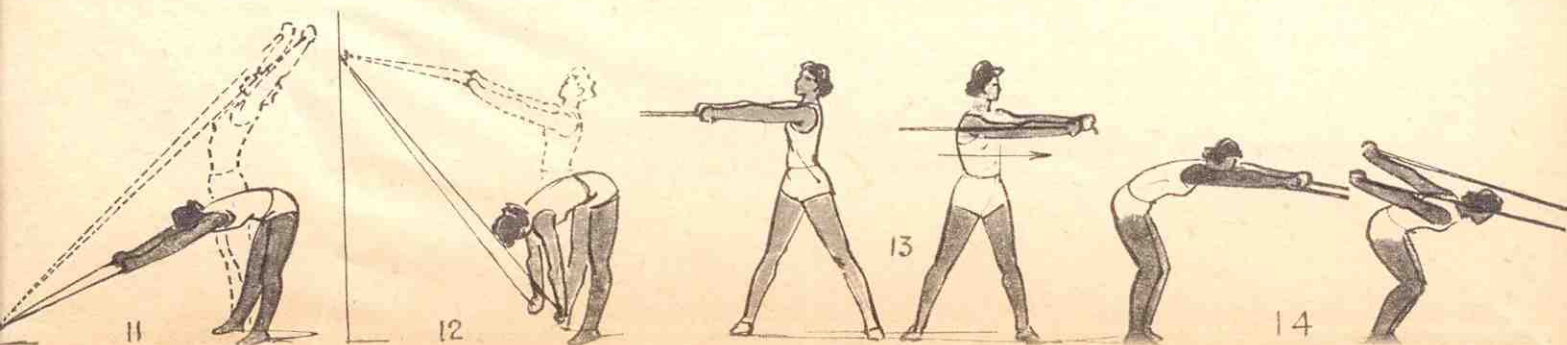
10-е упражнение. Выполняется, сидя на полу или на скамеечке. Взявшись за кон-

те туловище вниз до предела, стараясь коснуться руками пола.

13-е упражнение. * Станьте правым боком к стене и, захватив обеими руками концы шнура, растягивайте его, поворачивая туловище влево. Вернитесь в исходное положение. Проделайте упражнение, стоя к стене левым боком.

14-е упражнение. * Растягивая шнур, делайте руками движения, как при ходьбе на лыжах.

В. МАЧИНСКИЙ,
врач

Кое-что о глажении

Для глажения лучше всего пользоваться электроутюгом с терморегулятором: можно устанавливать нагрев утюга в зависимости от того, из какого материала гладится бельё.

Утюг содержит в абсолютной чистоте. Если на дне появились полосы бронзового цвета, с помощью тонкого наждака удалите их. После чистки наждаком дно утюга основательно протрите чистой тряпкой.

Удобно иметь для глажения специальную гладильную доску и «рукавник». Без таких предметов трудно хорошо выгладить юбку в складку, пиджак и особенно рукава. Большие вещи (скатерти, простыни, пододеяльники) гладят на большом столе (ни в коем случае не на полированном!), подложив мягкую подстилку. Перед глажением необходимо заранее приготовить и иметь под рукой миску с водой, чистую тряпку или губку для увлажнения белья.

Гладить рекомендуется в светлом помещении. Хорошо, когда свет падает на стол с левой стороны или прямо. Для удобства желательнее, чтобы утюг и шпатель, от которого идет провод к утюгу, находились у вас с правой стороны.

КАК ГЛАДИТЬ БЕЛЬЕ?

Белье, предназначенное для немедленного глажения, должно быть снято с веревки в слегка влажном состоянии, хорошо расправлено и аккуратно сложено. Но если глажение откладывается на неопределенное время, бельё оставляют на веревке до его полной просушки, так как, сложенное в сыром виде, оно может

покрыться серыми пятнами, которые удалить невозможно. Кроме того, бельё приобретает неприятный запах. За полчаса до глажения высушенное бельё надо основательно и равномерно побрызгать чистой водой и снова аккуратно свернуть.

Вещи из натурального шелка гладятся слегка влажными, не очень горячим утюгом. Если блузка из натурального шелка совершенно высохла, ее следует за полчаса до глажения завернуть во влажное полотенце.

БЕЛЬЕ ИЗ СИНТЕТИЧЕСКОГО ВОЛОКНА (напрона, нейлона, перлона и т. п.) гладить не надо. После стирки его слегка выжимают и хорошо встряхивают, затем расправляют образовавшиеся морщины и сушат на плечиках.

СКАТЕРТИ гладить хорошо нагретым утюгом. Гладить надо по долевой, так называемой «простой нитке». Места сгибов перед глажением увлажните тряпкой или губкой. Вышитые скатерти прогладьте сначала с левой стороны, крепко прижимая утюгом, после этого без нажима по правой стороне. Таким же образом гладят все вышитые вещи (салфетки, блузки и т. п.).

ЗАНАВЕСКИ льняные и хлопчатобумажные гладятся так же, как и скатерти. Занавески из тюля не гладят. После стирки их надо вначале закатать в простыни, затем расправить, расстелить на чистом полу и прикрепить кнопками. Если площадь пола для этого мала, тогда сложите шторы вдоль пополам и прикрепите верхнюю часть кнопками к карнизу. При этом надо вытянуть их до нужной длины, хорошо расправив, и дать высохнуть.

МУЖСКИЕ СОРОЧКИ причиняют хозяевам немало хлопот. Лучше гладить их так: сначала разгладьте рукава, потом воротник, сначала с левой, потом с правой стороны. Воротник гладят вначале с одного, а потом с другого угла к центру. После этого разгладьте заднюю часть сорочки, кокетку и, наконец, переднюю часть. Для сохранения формы под воротник выглаженной сорочки положите кусок картона и так храните сорочку в шкафу, пока она не потребуется.

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА гладится обычно с правой стороны через влажную льняную чистую тряпку. Залосненные места (на брюках или на рукавах) рекомендуется гладить через льняную тряпку, смоченную водой с уксусом (на стакан воды ложка уксуса).

Если в доме нет «рукавника», а необходимо погладить рукав пиджака или плаща, надо свернуть полотенце в ровный округлой формы валик, вложить его в рукав и, покрыв разглаживаемые места влажной тряпкой, легко прикладывать утюг к тряпке, пока не отпадут все образовавшиеся морщины.

Чтобы стрелка на брюках сохранилась подольше, рекомендуется в том месте, где она проходит, слегка натереть сухим мылом ткань с левой стороны, сложить и после этого загладить. При глажении следите за тем, чтобы боковые швы брючин совпадали. Для того, чтобы уничтожить вытянутые места на юбках, накройте их хорошо увлажненной тряпкой и пройдитесь по ней несколько раз горячим утюгом.

(Из польского журнала «Кобета и жидце»).

Отвечаем ЧИТАТЕЛЯМ

У меня начинает киснуть и плесневеть варенье. Что сделать, чтобы оно не пропало совсем?

М. Васильева
Москва.

Плесень с поверхности нужно осторожно снять и варенье переварить, добавляя на каждый килограмм его по одному стакану сахарного песка. Появляющуюся пену тщательно снимать. Как только варенье перестанет пениться, убрать его с огня и после остывания переложить в банки.

В будущем, чтобы варенье не прокисло, нужно брать для него достаточно сахара (1,2—1,5 кг на кило ягод, в зависимости от того, насколько они кислые). Очень важно варить варенье до готовности — это можно узнать по нерастаевающимся каплям сиропа.

Перекармливать варенье следует в хорошо промытые, прошпаренные банки и хранить в сухом, темном, прохладном помещении.

Я засолила огурцы на зиму, соблюдая все правила, но рассол в кадке стал густым, тягучим и приобрел неприятный запах. Как быть?

И. Бондарь
г. Гульча, Ровенской обл.

Испорченный рассол надо слить, огурцы промыть холодной водой и дать ей стечь. Затем плотно уложить огурцы в другую, хорошо промытую и ошпаренную кадку и залить свежим рассолом. Поверх огурцов положить чистую ткань, деревянный кружок и небольшой гнет, так, чтобы рассол покрыл кружок. Хранить огурцы надо в леднике или подвале при температуре не выше 5° тепла.

Для рассола возьмите 2 стакана соли на ведро холодной кипяченой воды. Укладывать огурцы надо вместе со специями: на 10 кг огурцов — 300 г укропа, 10—15 зубков чеснока, 3—5 стручков перца, немного хрена.

У нас в городе многие настаивают на сахаре незрелые грецкие орехи и пьют получающуюся темную жидкость. Говорят, что она полезна. Так ли это?

Л. Фоменко
г. Львов.

Грецкие орехи, пока они еще зеленые, исключительно богаты витамином С: превосходят по его содержанию черную смородину в 4 раза, лимоны и апельсины — в 30 раз. Настаивание орехов на сахаре вполне себя оправдывает. Конечно, не следует употреблять слишком много этой жидкости, так как избыток витамина С, как и его недостаток, вреден для организма.

Прошу рассказать о зимнем хранении картофеля.

Т. Струкова
Харьков.

Лучше всего хранить картофель при температуре от 3 до 5 градусов тепла. Если в погребе или чулане будет холоднее, картофель приобретет неприятный, сладковатый вкус. Необходимо поэтому, чтобы погреб не промерзал, был сухим, и по возможности регулировать температуру воздуха в нем с помощью вытяжек и дверей.

Хранить картофель можно рассыпью, без тары, или в ящиках. Картофель с дефектами следует хранить отдельно и использовать в первую очередь.

З. КОЧЕТКОВА,
научный сотрудник
Института питания

Рисунки В. Кащенко.

Как готовить соки из овощей и фруктов?

А. Кулаева
г. Красноярск.

Свекольный и морковный соки в домашних условиях следует готовить только перед употреблением. Хранить их в холодильнике можно не больше двух суток, так как оба сока содержат мало кислоты и в них быстро развиваются микроорганизмы.

Для приготовления сока свеклы или моркови моют, очищают и натирают на мелкой терке, затем отжимают сок вручную через марлю или редкую ткань. Можно готовить сок не только из свежей, но и из вареной свеклы. Он имеет более приятный вкус.

Яблочный сок, выпускаемый консервными заводами, не уступает по качеству соку, приготовленному дома. Если банка или бутылка с соком вскрыта, то хранить ее в холодильнике можно не больше трех дней.

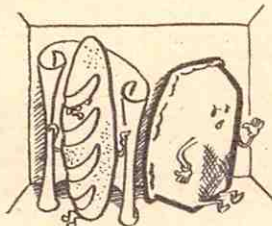
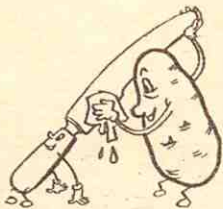
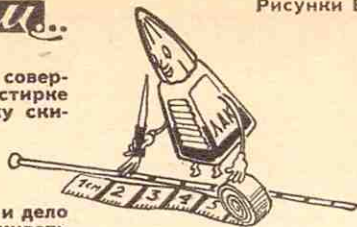
А. САМСОНОВА,
кандидат технических наук

Чтобы белье стало совершенно белым, при стирке добавьте в воду ложку скипидара.

При вязании вам то и дело приходится разыскивать сантиметр, чтобы измерить выполненную работу. Можно обойтись без сантиметра, если лаком для ногтей нанести на одну из вязальных спиц деления на сантиметры.

Чтобы яичный омлет получился пышным, перед тем как его жарить, добавьте в яйца молоко или воду (из расчета 1 столовая ложка на каждое яйцо) и хорошо взбейте.

Чтобы устранить коричневые пятна, появляющиеся на посуде, которую вы ставите в духовку, нужно вычистить ее влажной солью, вымыть водой и снова почистить, пока пятна не исчезнут.

Устойчивые пятна на ножах и вилках чистятся лимонным соком, после чего протираются мягкой шерстяной тряпочкой.

Ножи и вилки становятся чистыми и блестящими, если потереть их разрезанным сырым картофелем.

Нельзя оставлять ножи на горячей печке, так как от этого нож тупится, теряет свою упругость и эластичность.

Если фарфоровую посуду вымыть теплой водой с небольшим количеством нашатырного спирта, все пятна исчезнут. Вода не должна быть очень горячей, иначе можно испортить рисунок.

Вкус белого хлеба ухудшается, если его держать вместе с черным хлебом.

Клетчатые ткани почти никогда не выходили из моды. И вот сейчас клетка опять модна, причем самая разнообразная — мелкая и крупная, яркая и почти однотонная. Поэтому женщины любой комплекции и возраста могут подобрать для себя подходящую клетчатую ткань.

На нашей странице мод мы предлагаем модели повседневных удобных туалетов из клетчатых тканей.

1. Клетчатая юбка из шерстяной ткани всегда хорошо сочетается с однотонными блузками. Эту блузку-джермпер дополняет галстук из ткани юбки, что придает цельность всему костюму.

2. Легкий костюм из клетчатой полушерстяной или плотной штапельной ткани отделан беечкой-кантом из гладкокрашеной ткани. Из ткани отделки сделан также воротник и блузка под костюм. Вместо блузки может быть надет тонкий гладкий свитер.

3. Это платье со свободным лифом и прямой юбкой может быть выполнено из шерстяной, буклированной ткани или из шерстянного штапельного полотна. Те, кто не носит платьев без воротников, могут сделать к нему маленький воротник «хомутик», или отложной, или просто повязать однотонный (не набивной) шейный платочек. Платье дополнено поясом.

4. Жакет от клетчатого костюма можно носить и с гладкой юбкой или надевать его поверх однотонного платья, если этот жакет прямой формы.

5. Если это платье сделать из фланели, оно будет уютным домашним платьем. Сделанное из плотной штапельной ткани, оно станет скромным и удобным платьем для службы. А выполненное из мягкой клетчатой шерстяной ткани, оно превратится в нарядное, элегантное платье.

Н. ГОЛИКОВА

На первой странице обложки: Ткачиха Валентина Лапунова и героиня кубинского народа Анхела Алонсо.

Фото Н. Маторяна.

На четвертой странице обложки: И. Грабарь. «Зимний день».

К этому номеру дается бесплатное приложение: лыжные костюмы и вязание.

Шерстяные ткани с лавсаном

Вы не будете знать никаких забот, если сошьете себе костюм или платье из шерстяной ткани с лавсаном.

Складки или плиссе на вашей юбке не исчезнут, если даже вы попадете под дождь.

Ткани с лавсаном почти не мнутся, поэтому платья и костюмы из этих тканей очень удобны для работы — их не приходится часто гладить.

Даже при повседневной носке и частой стирке изделия из тканей с лавсаном не теряют своей формы и всегда выглядят элегантными и свежими.

Химчистка одежды из этих тканей производится так же, как и из обычных тканей, но вы легко выстираете и выгладите платье или костюм из ткани с лавсаном и дома.

Стирать такие изделия надо в теплом растворе (из стирального порошка «Новость», мыльной стружки и др.) и несколько раз прополаскивать в теплой и холодной воде.

Слегка отжатое изделие советуем ненадолго завернуть в сухое полотенце или мягкую хлопчатобумажную ткань, затем развернуть, расправить и высушить, но не пересушивать.

Гладить не очень горячим утюгом с изнанки, предварительно обрызнув водой, или с лицевой стороны через мокрую тряпку.

Если вы будете выполнять эти несложные советы, то всегда останетесь довольны хорошим видом и состоянием вашей одежды из тканей с лавсаном.

**РОСТЕКСТИЛЬТОРГ
Министерства торговли РСФСР**

Главный редактор — В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия: Н. С. БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ, В. П. ВЫСОЦКИЙ, В. А. ГЕРАСИМОВА, К. Ф. ДРОЖЖИНА, М. Н. КОЗЫРЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, Е. Д. МИШИНА, А. А. СЕВЕРЬЯНОВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА [зам. главного редактора].

Оформление художника Я. Мирошниченко.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — А. Шагарина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-34-79, отд. писем — Д 3-34-15.

А 00007. Подписано к печати 9/1 1963 г. Тираж 4 000 000 экз. Зак. № 4. Изд. № 163. Формат бум. 60x92¹/₈. 2,75 бум. л. — 5,5 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ИЗ КЛЕТЧАТЫХ ТКАНЕЙ

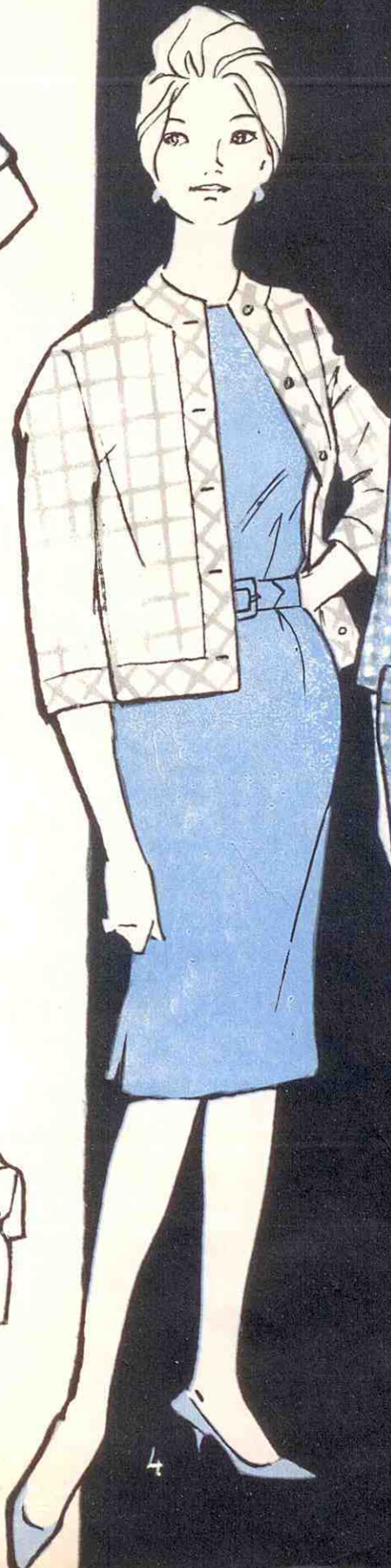
1

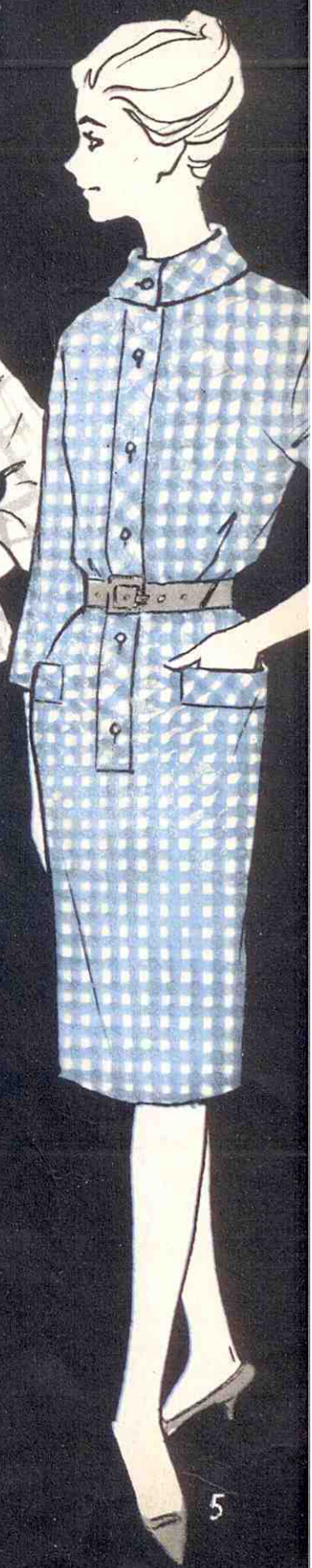
3

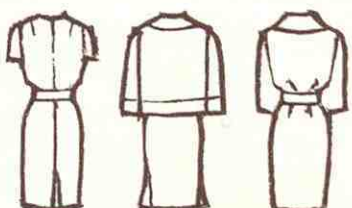
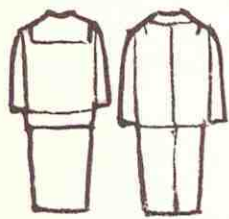
2

4

5

70770

Цена номера 10 коп.